

Дарья Щедрина

СОКРОВИЩЕ ВОЛХВОВ

роман-фэнтези

Дарья Щедрина
Сокровище волхвов.
Роман-фэнтези

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=28264942
ISBN 9785449010605*

Аннотация

Она – девочка с необычными, пугающими окружающих способностями. Таинственный Дар проведет ее через многие испытания. Удастся ли ей сохранить в душе добро и любовь, несмотря ни на что? Он – сын могущественного и властного правителя. С детства его обучали бесстрашию и жестокости, вытравляя из сердца любовь, сострадание, привязанность. Судьбы их пересекутся годы спустя в поисках легендарного сокровища волхвов. Выполнит ли он последний завет отца? Сбудется ли предсказание, полученное ею в юности?

Содержание

Часть 1. Мэй	6
Глава первая, в которой случается беда, а у Мэй начинают проявляться странности	6
Глава вторая, в которой над маленькой Мэй начинают сгущаться тучи	14
Глава третья, в которой выясняется, откуда взялась Мэй, а отец Абрэхан решает ее судьбу	25
Глава четвертая, в которой Мэй отправляется в изгнание	33
Глава пятая, в которой Мэй обретает новый дом	38
Глава шестая, в которой господин Беренгар осуществляет хитрый план	50
Глава седьмая, в которой господин Беренгар становится богатым и знаменитым	60
Глава восьмая, в которой Мэй знакомится с волхвами и узнает свою тайну	76
Глава девятая, в которой мечты господина Беренгара рушатся	85
Часть 2. Берни	95
Глава первая, в которой маленький Берни встречается с отцом	95
Глава вторая, в которой появляется	105

одноглазый Атли	
Глава третья, в которой в жизни Берни появляется соперник	110
Глава четвертая, в которой происходит пробуждение духа настоящего воина	119
Глава пятая, в которой Берни учится в школе воинов, а его отец делится мудростью	129
Конец ознакомительного фрагмента.	132

Сокровище волхвов

Роман-фэнтези

Дарья Щедрина

© Дарья Щедрина, 2019

ISBN 978-5-4490-1060-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть 1. Мэй

Глава первая, в которой случается беда, а у Мэй начинают проявляться странности

Жаркий летний день накрыл деревню высоким и звонко-голубым небесным куполом, увенчанным почти в самой середине ослепительным солнечным шаром, от которого шли и растекались по земле невидимые, но ощутимые волны зноя. Ветер доносил запахи цветущих трав, разогретой земли и конского пота, а иногда от дома тянуло чем-то очень вкусным. Там мама колдовала на кухне, готовя обед.

Мэй пробиралась по полю между высокими, даже выше ее самой, почти спелыми колосьями хлеба. Ее светлое платье, заботливо вышитое мамой по подолу и по вороту разноцветными нитками, не выделялось среди светлых стеблей, а золотистые, точно впитавшие в себя солнечный свет, волосы на расстоянии трех шагов было трудно различить среди хлебных колосьев. Так что для нее игра в прятки на поле имела свои преимущества.

– Мэй, ты где?! – кричал старший брат Начо в отдалении, растерянно крутя головой по сторонам.

Вот ему-то с его черной кудрявой шевелюрой спрятаться было труднее. Он стоял, возвышаясь над хлебами на целую голову, и внимательно всматривался в бегущие по полю, подгоняемые легким летним ветерком, золотые волны, но сестру не видел. Куда она спряталась, маленькая проказница? На краю поля, у подножия холма, виднелась рыжая черепичная крыша родного дома, крыши хозяйственных построек во дворе, а дальше, вверх по склону, словно играя в догонялки, карабкались домики их деревни, подбираясь к белой церкви на самой вершине холма, замирая в почтении у подножия высокой церковной колокольни.

Сегодня рано утром отец вместе со старшими братьями уехал в город продавать коня, так что младшие брат и сестра были предоставлены сами себе, отпущенные на вольный выгул нестрогой матерью. Мать же, как всегда, возилась по хозяйству.

Солнце припекало, застыв желтым шаром в выгоревшем от жары небе и разливая по земле почти нетерпимые, если бы не ветерок, потоки зноя. Девочка присела на корточки, натянув подол платья на покрытые пылью голые ноги. Тонкие лодыжки и голени были покрыты замысловатым узором мелких ссадин и царапин, без которых не обходились детские игры и шалости. Не найти ее Начо, не найти! Но пусть немного помучается, думала Мэй, тихонько посмеиваясь над братом. Хлебные колосья окружали ее плотной золотой стеной и что-то нашептывали, шурша и вздыхая. Прямо возле голой

пятки ее пробежала маленькая серая мышка-полевка, махнув длинным, тонким хвостиком и бросив на нее испуганный взгляд похожих на черные бусинки глазок.

Девочка положила руку на сухую, теплую землю и вдруг почувствовала дрожь... Земля еле уловимо дрожала, вибрировала. Перед открытыми глазами Мэй замелькали картинки: копыта коней, многих коней, с глухим стуком поднимают тучу пыли с дороги, всадники в черном, в руках их мелькают, отражая солнечные блики, длинные, блестящие клинки; черные всадники что-то кричат и смеются... Клинок, полыхнув белым пламенем, резко опускается на чью-то голову – и сразу кровь... Много крови! Мэй вскрикнула и зажмурилась, затрясла золотой головкой, отгоняя страшное видение, но, когда снова открыла глаза, увидела огонь, жадно пожирающий хлебное поле, их поле!..

– Начо! – закричала она, вскакивая с земли. – Начо! Огонь, огонь!..

Он повернул голову на крик и увидел ее в десятке шагов от себя, золотоволосую, с полными ужаса зелеными глазами, с дрожащими бледными губами, и подбежал к ней, схватил за плечи, пытаясь успокоить:

– Ты чего, Мэй? Какой еще огонь?

По лицу девочки текли слезы, прокладывая неровные дорожки сквозь слои пыли. Мальчик не понимал, что так испугало его сестру, но тревога уже билась набатным колоколом и в его сердце.

– Я видела огонь, сжигающий наше поле, и черных всадников, убивающих людей! Я боюсь, Начо! Где мама?..

Начо огляделся вокруг: в мирной тишине шла обычная деревенская жизнь, кто-то из соседей не спеша шагал по дороге, подгоняя тянувшего повозку ослика. Согбенные спины женщин то тут, то там виднелись в огородах. Во дворах играли ребятишки, изредка лаяли собаки, кудахтали куры, мычали коровы... Ничем не примечательный летний день в деревне размеренно, ритмично поскрипывая колесом повозки, в которую был впряжен старый ослик, не торопясь, катился к зениту. Но девочка упрямо тянула его домой, туда, где была мать. Он не стал спорить, проникнувшись ее тревогой, и они вместе побежали, а налитые солнцем, почти спелые колосья больно били и хлестали их по голым рукам.

Почему мать поверила восьмилетней дочке, она и сама бы не смогла объяснить, но услышав крики: «Мама, скорее в лес!» – схватила за чем-то кухонный нож и, не задавая вопросов, бросилась следом за детьми. Дыхание перевели, лишь добежав до первых деревьев, высокой зеленой стеной ограничивающих хлебное поле.

– Что случилось, Мэй? – спросила мать, опускаясь на траву и стаскивая с головы платок. Пока бежали, черные пряди длинных волос выбились из-под платка и лезли в глаза, в рот, в нос.

Нерия, все еще красивая, смуглая, черноглазая женщина, пригладила волосы ладонью и снова повязала платок на го-

лову. Только теперь она осознала, что, не подумав, поддалась какому-то странному порыву и побежала вместе с детьми невесть куда! Да что это с ней такое? Она с изумлением посмотрела на зажатый в руке нож. К блестящему лезвию прилип тонкий ломтик капусты. Дочка стала сбивчиво и сумбурно объяснять, что видела огонь и всадников. Где видела? Как видела? Какой огонь, какие всадники? Объяснить толком не могла. Нерия решила было, что это очередная фантазия ее дочери, когда со стороны деревни вдруг донеслись топот и крики.

С вершины холма черной лавиной по деревенской дороге летела конница, поднимая тучи пыли. С такого расстояния рассмотреть детали было сложно, но женщина увидела, как лавина стала рассыпаться на части, расплзаться по деревенским дворам, неся крики, стоны, плач... Это были всадники Черного Князя, уже второе лето терзающие своими внезапными набегами страну, разоряющие деревни и города. Неужели и до них добрались?..

Нерия прижала к себе испуганных детей, постаравшись спрятаться за росший на самом краю леса куст. Хотя здесь, в лесу, их вряд ли кто-то мог заметить.

– Доченька, откуда ты узнала, что к деревне скачут черные всадники? – спросила она тихо, поглаживая по светлой макушке Мэй.

– Я же говорю, я видела их! Прямо перед глазами видела! – Личико девочки, с серыми разводами от грязи и слез,

было таким испуганным и несчастным, что мать не стала допытываться, что значит «видела».

Захватчики, видимо не найдя никого в доме и во дворе, взяли и подожгли хлебное поле. И вот уже безжалостные языки огня, подгоняемые ветром, стали жадно пожирать колосья, и черный дым заволок еще недавно голубое, чистое небо.

Отец со старшими братьями вернулся к вечеру, когда уже стали затихать крики и плач по убитым, когда догорело все, что подожгли черные всадники. Вихрем пронеслись враги, не задерживаясь особо ни в одном дворе, а деревню разорили почти полностью. Счастье, что он сам со старшими сыновьями был в городе, средний сын, Оскэр, сторожил табун на выпасе за рекой, а остальные укрылись в лесу...

Мельхор, отец семейства, потрясенно смотрел на черное пепелище, оставшееся от их поля, и глаза его были черны от ненависти. Дом не сгорел, к счастью, ветер погнал огонь в другую сторону, к лесу, но грабители взяли все самое ценное, что попало им под руку. Но это можно было пережить, а вот хлеб... Мельхор вздохнул, впереди ждала голодная зима.

Мать сбивчиво, подгоняемая пережитым ужасом, рассказала ему все, чему оказалась сама свидетельницей. Старшие братья, семнадцатилетние близнецы Тоно и Тито, как две капли воды похожие на отца, встревоженно шептались

за ее спиной. Средний, пятнадцатилетний Оскэр, стоял рядом с младшим одиннадцатилетним Начо и растерянно хлопал длинными ресницами. Мельхор крикнул, выслушав рассказ жены, насупил брови и надолго замолчал, что-то обдумывая. Недобрым было это молчание. А потом велел подойти Мэй.

Девочка замялась, испуганно прячась за спиной Начо, но тот мягко подтолкнул ее к отцу, зная, что нельзя слушаться его воли. И Мэй подошла, замерев в шаге от сурового человека с холодными, черными глазами, с напряженно сжатыми узкими губами, чувствуя себя мышонком перед гипнотизирующим взглядом змеи.

– Ну, Мэй, расскажи все еще раз! – велел отец.

Она повторила все, но уже без той страсти, с какой рассказывала маме и брату, тем, кого она не боялась. А отца боялась, он мог и наорать, и ударить, если попадешься под горячую руку. Но больше всего она боялась его холодного, осуждающего взгляда, который был столь тягостным, что легче было провалиться сквозь землю.

– Получается, тебе было видение о приближении всадников? – задумчиво произнес отец. Девочка кивнула, не в силах больше выдать из себя ни слова. – Вот что, Мэй, никому не рассказывай об этом! Поняла?

Она не поняла, но снова кивнула, опасаясь вызвать отцовский гнев.

– И вы все, – отец окинул суровым взглядом все семей-

ство, – закрыли рты на замки! Ни друзьям, ни знакомым, ни соседям, никому. Понятно?

– Понятно, – в один голос ответили Тито и Тоно.

– Мельхор, но девочка спасла нас! – попыталась возразить мать, но натолкнулась на его взгляд, как на каменную стену, и замолчала.

Муж отвел ее в сторону, подхватив под локоть жесткими, грубыми пальцами, так чтобы дети не могли слышать, и зашептал на ухо с таким жаром, что ей стало не по себе:

– Ты что, не понимаешь, глупая женщина, что здесь попадает колдовством? Закрой свой болтливый рот и не смей ходить по соседям и сплетничать! К счастью, им сейчас не до тебя: Иниго убили одним ударом меча по голове. Он даже ничего почувствовать не успел. Сволочи!.. – Он яростно плюнул себе под ноги и оттолкнул жену. – Иди, наведи порядок в доме. После этих нелюдей в него заходить противно.

Глава вторая, в которой над маленькой Мэй начинают сгущаться тучи

Кое-как оправились после набега. Похоронили убитых, оплакали, да сосредоточились на житейских делах: восстанавливать порушенное, приводить в порядок разоренные жилища, лечить пострадавших, а таких набралось почти десятков. В общем, жизнь потекла дальше своим чередом.

Вот только с Мэй было не все в порядке. После разговора с отцом она никому не рассказывала о своем видении, опасаясь наказания. У девочки появилась новая забота.

Среди целого выводка цыплят обнаружился больной, слабый цыпленок. Его хилое желтое тельце обычно пряталось в уголке загончика, отведенного молодняку, большая голова неуверенно покачивалась на слабой, тощей шейке, круглые, крохотные, похожие на бусинки, глазки почти все время были закрыты. Сил у него бороться за корм со своими более сильными братьями и сестрами не было, а те отталкивали и клевали слабого. Так бы и окошел от голода несчастный, если бы не Мэй. Она взяла на руки пушистый комочек и, осторожно поглаживая и что-то тихо нашептывая малышу, отнесла его в корзинку, подстелив сухого сена, и стала кормить и поить отдельно от других цыплят. И цыпленок, по-

лучивший гордое имя Пио, стал быстро поправляться и расти. Спустя всего неделю младенческий желтый пушок сменился пестрыми перышками, лапки вытянулись и он весело и шустро носился по двору, когда его выпускала из корзинки его юная хозяйка. Пио так привык к Мэй, что бежал к ней издалека, едва слышал свое имя.

Однажды Мэй играла с соседским малышом, внуком старой Невес, которому не было еще двух лет. Девочка частенько присматривала за маленьким Кайо, когда старшие были заняты. И в тот раз она показывала ему фокусы, которым обучила Пио. Цыпленок послушно прыгал с руки хозяйки на жердочку и обратно, а Кайо заливался смехом и хлопал в ладоши от восторга. Круглые карие глаза его сияли радостью на чумазом личике. Растянутый в улыбке рот гордо демонстрировал два ряда белых зубов, по четыре в каждом.

– Мэй, давай сюда моего внука! – закричала через забор старая Невес, возвращаясь с охапкой сена в руках. С усталого, испещренного морщинами, как иссохшее яблоко, лица ее из-под черного вдовьего платка смотрели добрые карие глаза.

Мэй подхватила на руки ребенка и побежала через двор, когда перед ее глазами возник колодец, что был во дворе Невес, за курятником, и она увидела падающего в холодную, гулкую бездну Кайо, крик и страшный, леденящий душу всплеск. Девочка остановилась в испуге, прижав к груди малыша, потрясла головой, пытаясь избавиться от жуткого

видения, но быстро успокоилась и взяла себя в руки. Она вспомнила наставления отца. Добежав до дома соседей, передала с рук на руки соседке ее внука и, немного подумав, посоветовала:

– Бабушка Невес, не пускайте Кайо к колодцу. Он маленький и глупый, еще, чего доброго, упадет туда.

– Да бог с тобой, дитяtko! – отмахнулась Невес, ставя на ноги вырывающегося Кайо. А тот уже заметил что-то интересное и торопился потрогать, пощупать, а то и попробовать на вкус. – Он еще маленький, ему туда не добраться.

– Ну, хоть крышкой накройте колодец, – не унималась Мэй, чем вызвала удивленный взгляд соседки.

Старуха Невес выбросила из головы странные советы маленькой белоголовой дочки Мельхора, но два дня спустя произошло несчастье. Как любопытный Кайо, игравший во дворе под присмотром бабушки, умудрился взобраться на лежащий около колодца ящик, а потом заглянуть в сам колодец? Кто его знает! Невес отвернулась лишь на мгновение, но этого хватило, чтобы малыш свалился, даже крикнуть не успев. Бабушка только всплеск услышала...

После отпевания и похорон, выплакав все слезы, устав от соболезнований соседей, старая Невес поплелась обратно в церковь. Ноги ныли от усталости, поясницу ломило, голова раскалывалась, будто после солнечного удара, но она упрямо шла в гору, периодически останавливаясь, чтобы перевести дыхание. Тяжкая дума гнала ее к отцу Абрэхану, настояте-

лю местной церкви. Только он, старый и мудрый священник, мог утешить ее душевную боль и усмирить беспокойство.

Отец Абрэхан, высокий седой старик, бросил на нее орлиный взор из-под лохматых седых бровей, когда одетая с ног до головы во все черное старуха отыскала его в ризнице. Сходство с умной хищной птицей усиливал тонкий с горбинкой нос.

– С какой еще бедой, достопочтенная Невес, пожаловала ты ко мне? – спросил он, указывая запыхавшейся от быстрой ходьбы женщине на скамейку в углу. – Ох, не зря говорят: пришла беда – отворяй ворота!

– Отец Абрэхан, не знаю, как и сказать, да только вы и можете разобраться в этом деле. – Старуха дрожащими от волнения руками убрала выбившуюся из-под платка седую прядь и неуверенно взглянула на священника. – Мне ведь предсказала гибель внука соседская девочка, дочка Мельхора и Нерии, за пару дней до несчастья. Я еще тогда удивилась, что это она так настойчиво советовала накрыть колодец крышкой? Странно это, отец Абрэхан. Да и девочка эта странная, непохожая на остальных детей.

– Что же странного в маленькой Мэй тышла, достопочтенная? – удивился настоятель.

– В нашей деревне нет таких светловолосых детей, кроме нее. А глаза-то, глаза! Зеленые, как у кошки. Не к добру все это. А вдруг она колдунья? И под личиной милого ангелочка прячется дитя дьявола?! – Она вздрогнула, как в ознобе,

и усталилась на священника испуганными глазами.

Отец Абрэхан подошел к старой женщине и положил руку ей на плечо, словно успокаивая.

– Дочь моя, я понимаю всю тяжесть и боль твоей утраты. Нелегко пережить смерть невинного дитя, – голос его звучал мягко, утешительно. – Понимаю и чувство вины, терзающее твою душу, и желание переложить хоть часть ответственности за случившееся на чужие плечи. Но стоит ли перекладывать на плечи ребенка? Постарайся признать, что сама не уследила за внуком, отвлеклась. С любым такое могло случиться. Все мы люди, обычные люди. Признай свою вину и покайся. Господь милосерден. Он простит, но только в том случае, если раскаяние твое будет искренним! А малышку Мэй не стоит обвинять. Ведь ее совет был вполне разумным.

С каждым словом, произнесенным седым настоятелем, голова Невес склонялась все ниже и ниже, плечи начали вздрагивать, спустя минуту она безутешно разрыдалась, закрыв лицо старыми, сморщенными, как иссохшее яблоко, ладонями с узловатыми, кривыми пальцами.

Возвращалась из церкви Невес уже в сумерках. Ее скорбная черная фигура, сгорбленная от горя, медленно двигалась вниз по дороге, шаркая ногами в старых стоптанных башмаках, поднимая дорожную пыль, что серым шлейфом тянулась за ней. К несчастью, разговор с настоятелем не принес ее душе успокоения и подозрения в том, что в гибели Кайо не обошлось без колдовства, только усилились. Но спорить

и возражать уважаемому всеми священнику старая женщина не посмела.

Блас, дружок Начо, жил на другом конце деревни, но часто приходил в дом Мэй поиграть с друзьями или звал их погулять. В этот раз они с Начо и другими сверстниками ходили на реку удить рыбу, возвращались довольные, с целым ведром наловленной мелочи, что предвещало пир местным котам. Мэй увидела ребят, растрепанных и чумазных, в выцветших на солнце старых рубашонках, в закатанных до колен штанах, о чем-то болтающих за воротами, и решила подойти, поинтересоваться уловом. Она услышала часть разговора:

– И зачем вам покупать коня в городе? – спрашивал Начо у Бласа. – Твой отец мог бы купить у моего.

– Ха! Ваши кони крепкие, с короткими сильными ногами, одно слово – тяжеловозы. А наш Вихрь высокий, стройный, тонконогий красавец, быстрый как ветер! Поэтому и имя у него такое, – хвастался Блас, задрав вверх курносый нос.

– Так в деревне и нужны тяжеловозы, чтобы тяжести возить, – не унимался Начо. – Как этот тонконогий Вихрь пахать будет? Еще переломает свои тонкие ножки в наших полях!

– Ха-ха-ха! – засмеялись приятели хором, чем вызвали недовольную гримасу на лице Бласа.

– А вот и не переломает!

– Еще как переломает!

Над компанией мальчишек нависла угроза ссоры с быстрым переходом в потасовку, как это частенько случалось, но никогда не мешало дружбе. Мэй решила вмешаться, пока не замелькали кулаки.

– Покажите, что поймали, – попросила она, заглядывая в ведро.

Вытащив из ведра маленькую серебристую рыбку, извивающуюся, бьющую хвостиком и то и дело разевающую круглый ротик, Блас со смехом сунул ее в руку Мэй, решив пошутить. Едва она почувствовала влажное и прохладное прикосновение мокрой ладони мальчика, как перед глазами возник конь, что вел себя почти как эта рыбка: брыкался, тарасил круглые карие глаза, фыркал, бил копытом, только что рот не разевал. Вздрогнув, девочка бросила рыбку обратно в ведро, чем вызвала общий хохот. Глупцы, они подумали, что она испугалась рыбки! Казаться трусихой в глазах мальчишек совсем не хотелось, было стыдно. И Мэй пригрозила проказнику:

– Нечего хвастаться своим конем! Ты лучше поостерегись его, как бы этот Вихрь ни прибил тебя. Ты же неповоротливый, Блас.

Обиженный приятель, бросив улов, повернулся и быстро пошел в сторону своего дома, гордо выпрямив спину, в которую неслись, как стая стрел, смех и острые шуточки.

...На следующий же день Мэй с Начо увидели Бласа, ле-

жащего с проломленным черепом в луже крови, а недавно купленный жеребец носился по двору, играя и выбрасывая задние ноги так высоко, что на солнце сверкали его железные подковы...

По деревне поползли слухи...

Мэй, прижимая к груди любимую куклу, сшитую заботливыми руками мамы, наряженную в красивый наряд из разноцветных лоскутков, подошла к забору, за которым прятался дом ее подруг, сестер Лурд и Чэро. Они часто играли вместе то во дворе у Мэй, то здесь, со своими куклами, представляя, что в их руках настоящие короли и королевы, придворные и рыцари. Завидев на крыльце подружек, Мэй закричала и замахала рукой:

– Эй, Лурд, Чэро, давайте поиграем!

На лицах девочек она успела заметить вспышку радости, но тут из двери появилась мать сестричек и, бросив странный взгляд в сторону Мэй, схватила дочерей за руки и увела их в дом. Дверь с недовольным всхлипом закрылась, а Мэй осталась стоять в растерянности на улице.

Она возвращалась домой, простояв долго-долго у ворот вдруг ставшего в один миг негостеприимным дома сестер, расстроенная. В ее вытянутой руке головой вниз болталась позабытая кукла, чей роскошный наряд из разноцветных лоскутков подметал дорожную пыль. До родного дома оставалось несколько шагов, когда маленький камушек, вылетев из-за соседнего забора, больно ударил Мэй в спину.

Она невольно вскрикнула от неожиданности и остановилась, оглядываясь.

– Белобрысая ведьма! Белобрысая ведьма! – нестройно, наперебой кричали Гуго и Клето, десятилетние сорванцы, друзья Начо и постоянные участники совместных проказ.

– Вы чего?! – возмущенно крикнула Мэй, заслоня собой куклу от летящих в ее сторону камней.

– Колдунья, ведьма!

Девочка бросилась бежать к родному дому, но мальчишки последовали за ней, продолжая осыпать градом мелких камушков. Задыхаясь от страха и возмущения, она вбежала в распахнутые настежь ворота и бросилась под защиту брата. Начо по заданию отца чистил конскую упряжь и растерялся, увидев бегущую от преследователей девочку. Никогда еще его друзья не обижали Мэй, ведь она была его сестрой.

Он вытянул в стороны руки в защищающем жесте и загородил собой спрятавшуюся за его спиной девочку.

– Вы что, с ума сошли?! – гневно крикнул он товарищам.

– Твоя сестра ведьма! Белобрысая колдунья! – кричали те, но камни бросать перестали. – Она порчу наводит!

– Сам ты порчу наводишь! – ответил Начо решительно, но в груди что-то екнуло.

Из дома на крыльцо выскочила мать, услышав крики, и замахала на мальчишек кухонным полотенцем:

– А ну пошли отсюда! Я вам покажу, как маленьких обижать!

Гуго и Клето, столкнувшись с неожиданным сопротивлением, стали отступать к выходу со двора, но свой гневный запал еще не израсходовали. Гуго, подбрасывая в ладони «боевой снаряд», огляделся по сторонам и вдруг увидел цыпленка-подростка, со всех ног бежавшего к своей маленькой хозяйке. «Пио!» – успела испуганно подумать Мэй, когда острый камень, выпущенный меткой и жестокой рукой, ударил бедную птаху в грудь с такой силой, что Пио свалился за смертью.

– Нет! Пио! – отчаянно закричала девочка, отбросив куклу и выскакивая из-за спины брата. Обидчики уже скрылись за воротами.

Заливаясь горькими слезами, Мэй с цыпленком на руках забила в уголок коровника, за охапкой сена, и, раскачиваясь из стороны в сторону, нашептывала, напевала бездыханному пестрому комочку в своих ладонях:

– Не умирай, Пио, не умирай!..

Она чувствовала, как щиплют глаза горячие слезы, как в кончиках пальцев рук, бережно баюкающих цыпленка, покалывает как будто иголочками и потоки тепла прямо из ее сердца вместе с любовью и состраданием перетекают в неподвижное тельце Пио. Над нею, продолжая жевать свою вечную жвачку, тихо вздыхала черная с белой отметиной на лбу корова, удивленно тараща на девочку круглые навывкате глаза.

Начо было хотел броситься вслед за сестрой, да мать удер-

жала. В такую минуту надо было оставить ее одну.

– Мама, почему они называли Мэй ведьмой, колдуньей? – растерянно спросил сын.

– Глупости все это, сынок, глупости. Никого не слушай! Наша Мэй самая добрая, самая хорошая на свете. Это все клевета!

Но в голосе Нерии не было должной уверенности, а взгляд черных глаз испуганно метался по двору, словно искал наиболее безопасные места на всякий случай.

Глава третья, в которой выясняется, откуда взялась Мэй, а отец Абрэхан решает ее судьбу

Мельхор был в бешенстве. Он метался по комнате, как дикий зверь по клетке, сжимая кулаки. Глаза его горели су-мрачным огнем, а под скулами ходили желваки от еле сдерживаемых бранных слов. Нерия, только что рассказав мужу о случившемся с их дочерью, сжавшись в испуганный комок, замерла на лавке у стены. В таком состоянии Мельхор запросто мог ударить ее, хоть она и не чувствовала за собой никакой вины.

– Ты понимаешь, что это значит?! – процедил сквозь сжатые зубы муж. – Вся деревня подозревает Мэй в колдовстве!

– Но это неправда, Мельхор, наша дочь не может быть колдуньей или ведьмой! – с отчаяньем, предчувствуя беду материнским сердцем, воскликнула Нерия.

– Наша?.. – Мельхор остановился и навис над нею темной громадой. – Ты уверена, что она наша дочь? Тогда почему она совсем не похожа ни на нас, ни на своих братьев? Откуда у нее такие светлые волосы и зеленые, как у кошки, глаза? Если бы я не был уверен в твоей верности, я бы мог подумать, что ее отцом стал какой-нибудь светловолосый странник, проездом оказавшийся в нашей деревне. Но в деревне

отродясь не было никаких светловолосых странников. Даже всадники Черного Князя и те черны от макушки до пят. Тогда, скажи на милость, что я должен думать?..

Нерия подняла на мужа испуганные, полные слез глаза.

– Что это ребенок дьявола, вот что я должен думать! –

И Мельхор стукнул кулаком по скамье, на которой сидела жена, с такой силой, что она вздрогнула. – И все эти странные видения, которых, кроме нее, никто не видит... А то, что она смогла оживить убитого камнем цыплёнка, не удивляет тебя? Вон, носится теперь по двору как ни в чем не бывало. Значит, Мэй – дитя дьявола!

– Нет, нет, этого не может быть! – запричитала женщина, всхлипывая и глотая слезы, а правой рукой механически накладывая на себя крестное знамение.

Муж схватил ее за плечи и стал трясти, точно хотел встрясти всю душу, приговаривая:

– Говори правду, дрянь, откуда взялась эта девчонка в нашем доме?

Почувствовав, что деваться больше некуда, что, если она не расскажет правду, которую хранила восемь долгих лет от всех на свете, обезумевший муж просто ее убьет, Нерия рассказала все. Напомнив, как он уехал в город по делам как раз накануне ее родов, женщина рассказала, что роды оказались трудными, не такими, как трое предыдущих, и ей пришлось обратиться за помощью к знахарке, что жила на отшибе, в получасе ходьбы от деревни. Сын родился мертвым.

«Сын, опять сын», – с тоской думала она, отказываясь понимать, что никакого сына и нет, что в тазу под столом лежит его мертвое тельце. Она так мечтала о девочке, маминой помощнице. Но бог снова послал ей сына. Старая повитуха хлопотала рядом, бросая на нее странные взгляды.

А когда пришло осознание потери, Нерия разрыдалась в голос. Рыдания сотрясали истерзанное мукой тело и опустошали полумертвую от боли душу.

– Ты поплачь, поплачь, – успокаивала ее повитуха, – станет легче. – Но слова не помогали.

Тогда старая женщина присела на край кровати рядом с родильницей и зашептала в самое ухо, точно боялась, что кто-то посторонний услышит.

– Не плачь, милая, будет у тебя дочка, будет. Третьего дня как раз забрела в мой домик на окраине чужая женщина. Была она на сносях, вот-вот должна была родить. Ничего о себе она не рассказывала, только просила помощи. Кажалось, скрывается она от кого-то. Да мало ли? Может, изменила мужу, а он ее не простил, вот и пряталась с чужим дитем под сердцем. Роды начались в ночь, я пыталась помогать, как умела, да не судьба, видать... Умерла несчастная к утру, а девочка новорожденная живой оказалась, да такой хорошенькой, просто загляденье. Куда ж мне младенец этот, старухе? Только лишние хлопоты. Думала в город отвезти, в приют для сирот отдать, а тут ты... Возьми сиротку в свою семью, вырастишь, как родную, воспитаешь.

Нерия как увидела малышку, так сразу и решила взять ее себе, а мужу ничего не рассказывать, раз сам не захотел быть рядом с женой в трудную минуту. И так сердцем к ней прикипела, что даже в мыслях чужой ее не считала.

Мельхор немного успокоился, обдумывая рассказ, а потом решил:

– От девчонки надо будет избавиться, а всем в деревне расскажем, как все было на самом деле. Может, люди и простят тебя, глупую бабу?

– Нет, нет, Мельхор! – закричала Нерия, падая на колени и хватая мужа за руки, пытаюсь удержать от жестокого поступка, но он не желал ее слушать.

– Посоветуемся с отцом Абрэханом, как лучше поступить. Важно, чтобы церковь считала нас добрыми прихожанами, ну, оступившимися по незнанию. Мы люди простые, могли и ошибиться. Господь милосерден, простит, если чистосердечно признаться и раскаяться. Если церковь в лице отца Абрэхана простит, то и люди простят со временем.

Он принял решение и собрался уходить, а несчастная жена униженно валялась у его ног, заливаясь слезами, умоляя оставить девочку, не изгонять из семьи. Но Мельхор, чье сердце никогда не принимало малышку, был непреклонен.

Деревенская церковь была большой, чисто выбеленной до самого купола, с золоченым крестом. На фоне маленьких деревенских домишек и дворовых построек она смот-

релась огромным флагманским кораблем, под белыми, сверкающими на солнце парусами, ведущим свой флот в небесные дали истинной веры. А колокольня храма, высокая-высокая, воткнувшая свой шпиль прямо в поднебесье, напоминала Нерии указующий перст господний, направленный туда, куда всем им, маленьким и беззащитным перед его гневом, надлежало устремлять свой взор, совершая свои мелкие людские дела.

У бедной женщины испуганно сжалось сердце и задрожали колени, когда вместе с мужем они, раскрыв высокие створчатые двери, вошли в главный неф. Пространство церкви сразу же придавило вошедших своей громадой и величием. Робко прозвучали их шаги под высокими гулкими сводами. Из алтарной части навстречу им вышел священник.

Отец Абрэхан, настоятель деревенской церкви, был стар и мудр. Он провел своих прихожан в северный придел храма, где обычно проводил крестины и отпевания, и выслушал сбивчивый рассказ Мельхора. На его спокойном лице отразилась тяжкая дума.

– М-да-а, дочь моя, – заговорил он, качая седой головой и с упреком глядя на Нерию, – а ведь ты ко мне на исповедь регулярно ходила и за столько лет так и не рассказала, даже не намекнула! Не хорошо, не хорошо!

– Простите меня, отец Абрэхан! – Нерия виновато склонила перед ним голову, покрытую темным платком.

– Не я, а Бог должен простить тебя. Ну да ладно, дело уже

прошлое. Вижу, что вы оба переживаете, раскаиваетесь в содеянном. Молитесь, дети мои, и получите прощение от Господа! – Настоятель осенил склоненные в покорном поклоне головы широким, щедрым крестным знаменем. – Все мы виноваты, с себя вину тоже не снимаю. Ведь именно я крестил эту девочку, ко мне она приходила на причастие. Не узнал, недоглядел... Хитер враг рода человеческого, много у него путей к нашим душам. Значит, подсунул невинное дитя в вашу семью...

– Не виновата ни в чем Мэй, отец Абрэхан! – всхлипнула Нерия, поняв направление мыслей старого священника.

– Она-то не виновата, дочь моя, в том, что дьявол избрал ее как проводника своих козней. И люди не виноваты, что не хотят становиться жертвами этих козней. Пойми, несчастная, защищая ее, ты подвергаешь опасности весь приход, старших сыновей своих!

Женщина расплакалась, ее плечи и склоненная голова вздрагивали. А Мельхор снова стал закипать от ярости, но перед настоятелем не смел даже бросить осуждающий взгляд в сторону жены.

Отец Абрэхан со скорбью смотрел на своих прихожан. Эх, люди, люди! Он с горьким сожалением понимал, что большинством людей движет не истинная вера в Бога, а страх, обычный страх. И именно страх бросает их в цепкие лапы дьявола. Из страха люди совершают предательство, идут на подлость. Трудно, очень трудно бывает удержаться

и не отступить от любви и добра. Вот и эти несчастные любили свою пусть приемную, но все-таки дочь, но страх перевешивал любовь. Старик вздохнул, уже зная, как поступит. Он не был фанатиком истинной веры, но лезть на рожон, подвергая опасности своих прихожан, да и подставлять свою собственную голову под гнев вышестоящего начальства не собирался.

– Понимаю чувства твои, дочь моя, ты вырастила девочку, как родную, наравне с сыновьями дарила ей любовь и заботу материнскую. – Старый священник утешающе и заботливо положил руку на вздрагивающее в рыданиях плечо женщины. – Поэтому, выбирая из двух зол меньшее, советую увезти Мэй из нашей деревни от глаз людских подальше. А то как бы до епископа не дошли вести из наших мест. Сами знаете, что церковь с ведьмами да колдунами делает. Есть у меня на примете одна травница, знахарка, что живет на отшибе, скрытно от людей, тихо и скромно занимается собирательством трав лекарственных да изготовлением снадобий на их основе. Стара она уже становится, в помощниках нуждается. Отвезите девочку к ней, пусть живет неслышно и невидно да помогает старушке по хозяйству, может, чему полезному у нее научится. Так и рассудим! Пусть и овцы останутся целы, и волки сыты. Да никому не говорите, куда увезли девочку, а то, не ровен час, прознают да решат самосуд сотворить. Народ у нас горячий, скорый на расправу. А я молиться буду за спасение души несчастной.

Мельхор почувствовал облегчение, выслушав решение настоятеля. Все-таки мудрым и добрым человеком был их приходской священник. Не зря деревенские жители любили и уважали старика Абрэхана. Обрато из церкви он шел с высоко поднятой головой, уверенный, что проблема решилась как нельзя лучше. Нерия уже не плакала, в душе осталась одна гулкая пустота, и волна безразличия ко всему накрыла ее разум, защищая от невыносимой боли.

Глава четвертая, в которой Мэй отправляется в изгнание

Собирались ночью, тайно. Мельхор заранее отправил Тито и Тоно пасти табун на дальнем выгоне, среднего, Оскэра, отослал с каким-то поручением в соседнюю деревню к родственникам с ночевкой. Хотел было с ним и Начо отправить, но тот сказался больным и остался дома.

Мэй никак не могла взять в толк, почему она должна куда-то ехать? И почему тайно, ночью? Почему вообще нужно было уезжать из родного дома? На что отец жестко и холодно ответил:

– Потому что детям дьявола не место в нашем доме!

Мэй хотела спросить, а кто такие, эти дети дьявола, но отец бросил на нее тот самый страшный взгляд, от которого хотелось провалиться сквозь землю, и она промолчала.

Мать с красными от слез, опухшими глазами молчаливой тенью ходила по дому, собирая вещи Мэй. Она складывала сшитое её же руками платье, нежно, ласково проводила по нему рукой, на мгновение прижимала к груди и убирала в мешок, приготовленный для детских вещичек, которых набралось в результате совсем немного.

Молчание, которым взрослые реагировали на все ее вопросы, стало пугать девочку, и она спросила:

– Мама, разве я что-то плохое сделала?

Пусть скажут, потому что Мэй, как ни старалась, не могла вспомнить за собой такого проступка, из-за которого ее можно было бы выгнать из дома. «Неужели из-за разбитой тарелки?» – с ужасом думала девочка. Но и раньше бывало, что кто-то из семьи что-то ломал, бил посуду, рвал одежду, но за это ТАК никого не наказывали. Она честно старалась слушаться сурового отца, хоть и боялась его до дрожи в коленках. Почему же он с таким неумолимым выражением лица складывает ее вещи?

Вылезший из постели Начо попытался вмешаться, но натолкнулся на угрожающий взгляд отца и замолк. В доме происходило что-то страшное. Он чувствовал, как над его младшей сестренкой нависла угроза, хотел ее защитить, но вся его храбрость рассыпалась в прах о непреклонную решимость отца. И он растерянно и молча наблюдал за сборами.

Отец запряг коня, уложил вещи в телегу и расправил поводья. Мать молча примостилась сзади него. Мэй обернулась на вышедшего на крыльцо брата. Он смотрел на нее ничего не понимающими несчастными глазами.

– Никому не верь, братик, – сказала Мэй, обнимая его на прощание, – я не ведьма и не колдунья. Ведьмы, они злые, а я никому никогда зла не желала.

В глазах Начо блеснули слезы. Садясь в телегу рядом с мамой, девочка увидела своего ручного цыпленка и взмолилась:

– Пожалуйста, дайте забрать с собой Пио!

Отец молча кивнул и пошел открывать ворота. Мэй схватила подростшего, уже похожего на настоящую курицу Пио и прижала к своей груди. Телега медленно тронулась, а Мэй все смотрела на тускло белеющую в темноте фигуру брата, застывшего на крыльце с поднятой в прощальном жесте рукой.

По деревне ехали медленным шагом, чтобы в предрастветном тумане не разбудить никого неуместным скрипом колеса или стуком копыт. Мэй смотрела по сторонам, и ей казалось, что смутные тени домов смотрят на нее угрюмо и осуждающе. Они, как воры, покидали место преступления тайно, ночью. Но какое преступление она совершила? Так никто и не объяснил.

После того как миновали церковь, Мельхор пустил коня резвее. Ехать было не близко, а торопиться стоило. Под мерное покачивание телеги девочка задремала и, свернувшись калачиком на подстилке из ароматного сена, прижав к себе притихшую птичку, заснула.

Проснулась она, когда солнце уже всю сияло на небе, разгоняя теплыми лучами последние хлопья утреннего тумана. Вокруг путников расстилались незнакомые леса и поля. Переехали небольшую речку по скрипучему мостику, миновали овраг и остановились перед маленьким белым домиком в два окна под соломенной крышей. На крыльце вышла пожилая женщина и устала на незваных гостей, закрывая глаза от слепящего солнца сложенной козырь-

ком ладонью.

Мельхор остановил коня, слез с телеги и подошел к хозяйке дома, вежливо поздоровавшись, вынул из-за пазухи и протянул ей письмо от отца Абрэхана. Женщина с удивлением развернула письмо и дальнозорко вытянула руку, читая неразборчивый почерк священника.

– Что скажете, тетушка Сэлуд? – спросил Мельхор, когда та дочитала письмо.

Пожилая знахарка с интересом посмотрела на него, на Нерию и на притихшую возле матери девочку.

– А что я могу сказать? Отец Абрэхан просит приютить у себя девочку и позаботиться о ней. Я очень уважаю отца Абрэхана, поэтому выполню любую его просьбу. Проходите в дом, – предложила она, распахивая перед гостями дверь.

Но Мельхор отказался. Ему было тягостно это прощание и хотелось поскорее избавиться от неприятного чувства, тяжелым, вязким комом осевшим в глубине души. Он достал из телеги вещи Мэй, сложил их на крыльце, поставил возле мешка с вещами саму девочку и снова взялся за поводья. Но тут с телеги соскочила Нерия и бросилась к дочери со слезами. Она тискала и тискала ее в объятиях, целовала заплаканное личико и шептала:

– Прости, прости меня, доченька! Я так перед тобой виновата! Прости и знай, я тебя все равно люблю и любить буду до последнего вздоха!

– Нерия! – окрикнул ее муж недовольным голосом, и она

спохватилась, отстранила от себя девочку, утерла слезы и побежала за медленно тронувшейся с места телегой, вскочив в нее уже на ходу.

Мэй, еще не знавшая смысла слова «навсегда», с грустью смотрела вслед тем, кого она считала своими родителями. Но пожилая тетенька, которую отец назвал тетушкой Сэлуд, по-доброму улыбнулась и сказала, погладив девочку по голове:

– Ничего, дитя мое, все образуется. Пойдем в дом, покормлю тебя. Ты, наверное, проголодалась с дороги?

И Мэй, прижимая к груди Пио, вошла в дом, в котором теперь ей предстояло жить.

Глава пятая, в которой Мэй обретает новый дом

Жизнь в доме тетушки Сэлуд текла неторопливо и спокойно. В сезон сбора трав наставница поднимала Мэй до расцвета, и они шли в поля, в луга, на болота, утопая в тяжелых от росы травах, чтобы с первыми лучами солнца начать собирать в заранее подготовленные мешки стебли и листья, соцветия или бутоны, накопившие к этому волшебному часу больше всего той таинственной силы, что в скором времени перейдет в отвары и настойки, припарки и порошки, и будет возвращать здоровье страждущим, поднимать с постели недужных и хворых.

Мэй нравилось слушать наставления тетушки Сэлуд, которая в подробностях рассказывала о целебных свойствах трав, о способах их заготовки, о том, какими травками какие болезни можно лечить. К удивлению самой наставницы, женщины строгой, но доброжелательной, ее новая воспитанница оказалась восприимчивой к знаниям, любознательной и усидчивой ученицей. Она легко запоминала названия трав, какие части растения используются лекарями, в какое время года и время суток их нужно заготавливать, как сушить, как настаивать или отваривать... Все новые знания легко проникали в ее золотоволосую головку и оседали там навсегда. А маленькие ловкие ручки без усталости рвали, резали, мяли,

терли, сушили, варили, смешивали под внимательным и требовательным взглядом наставницы.

Мэй без особых просьб со стороны хозяйки помогала ей по дому, занимаясь с удовольствием домашним хозяйством, помогая на кухне и во дворе. Тетушка Сэлуд не ругала ее, не наказывала (да и, честно сказать, не за что было!), и девочка быстро привязалась к ней, смирившись со своей новой, такой одинокой жизнью.

Отторгнутая родным домом как инородное тело, Мэй погрузилась в кокон своего одиночества, замкнулась в себе, стала молчаливой и задумчивой. Все свободное время, когда тетушка Сэлуд отпускала ее погулять, она проводила в лесу, разговаривая с высокими деревьями, валяясь на мягком ковре мха, слушая, что нашептывают ей шумливые кроны. Птицы щебетали ей все лесные сплетни, белки щедро угощали орехами, роняя их прямо с ветвей высоких сосен, ежи устраивались в ногах и, высунув остренькие черные носики из тугих колючих клубков игольчатых тел, терпеливо выслушивали ее маленькие детские тайны.

Часто девочка уходила на берег неширокой речки, что уютно журчала недалеко от дома, усаживалась на большой, круглый, нагретый солнцем камень и, опустив в прозрачную прохладную глубину руку, смотрела, как проплывают мимо юркие стайки маленьких серебристых рыбок, как расчесывает быстрое течение длинные зеленые пряди водяной травы, похожей на русалочьи волосы, как мелькают на песчаном

дне пятна солнечных зайчиков. И лес, и речка принимали ее, считали своей, медленно заживляя душевные раны.

А может, она и вправду колдунья, раз чувствует такое родство с лесом, с лугами и оврагами, с болотами и реками? Люди ее не принимают, а лес принял... Она была другой, не такой, как все. Наверное, хуже других, если самые близкие люди отказались от нее. Но она была! Это Бог создал ее такой странной, непохожей на других, значит, в этом был какой-то смысл. Значит, надо было взять из своей странности и непохожести самое доброе и обратить его на помощь тем, кто в этом нуждается, тем, кто населял этот большой добрый лес.

Долгими зимними вечерами, когда за окном сгущалась тьма, а злой студеный ветер раскачивал голые ветви деревьев в лесу, наставница и ученица усаживались возле горящего очага с рукоделием, и тетушка Сэлуд начинала рассказывать сказки. А сказок она знала так много, что хватило бы на много, много зимних вечеров, да и не на одну зиму. Мэй слушала с замиранием сердца истории про злых и добрых волшебников, про гномов и русалок, про несметные сокровища и заколдованные замки. Воображение легко подхватывало и уносило девочку в страну грёз, а тетушка Сэлуд с улыбкой наблюдала за ней, мерно позвякивая железными спицами в руках.

Мирное течение времени нарушил один странный случай, заставивший старую знахарку внимательнее присмотреться

к своей воспитаннице. Однажды ранней осенью, когда листья на деревьях уже начали желтеть, но еще крепко держались за свои ветки, Мэй задержалась в лесу. Тетушка Сэлуд уже начала беспокоиться, все чаще выглядывая в окно в сгущающиеся сиреневые сумерки. Девочки все не было. «И где пропадает эта непослушная девчонка?» – думала старушка, стараясь скрыть под маской возмущения разрастающуюся в душе тревогу. Да мало ли что может случиться с ребенком в диком лесу? Вдруг упала и ногу подвернула? И теперь лежит где-то между коряг и обломанных веток и плачет от страха и бессилия... Или на нее напали волки? Этим лесным разбойникам что быстроногий заяц, что беззащитный ребенок – все одно: пища!

Беспокойно ходя из угла в угол и ломая голову, что же делать (сразу идти на поиски в темный лес или еще подождать), старая знахарка вдруг услышала, как кто-то завозился в сарае. Она выскочила во двор, готовая разразиться нравоучительной тирадой, но, подойдя к открытой двери, сдержала себя, промолчала. В уголке за граблями и лопатами сидела Мэй и нашептывала непонятные слова, держа что-то маленькое в кулачке и поглаживая это что-то пальцами. В темноте тетушка Сэлуд не смогла рассмотреть, что именно держала в руках Мэй. Переполненная любопытством, так и не выдав своего присутствия, старушка тихо ушла в дом.

Отправив Мэй на следующее утро полоскать белье на речку, тетушка Сэлуд вернулась в сарай и тихонько отодвинула

черенок лопаты. На полу в старой плетеной корзинке лежала маленькая птичка со сломанным крылышком. Серовато-коричневые перышки топорщились на ее спинке, часть длинных перьев в раненом крыле была вырвана. Видать, какой-то лесной хищник пытался поймать бедняжку! Круглые глазки-бусинки испуганно посмотрели на вошедшую женщину. Зачем девочка притащила покалеченную птаху домой? Ведь не выживет птаха, и так ясно. Тетушка Сэлуд вздохнула, пожалев несчастную. Но насторожило ее то, что Мэй ни слова ей не сказала.

Старая знахарка стала заходить в сарай каждый день, отправляя Мэй с поручениями, навещая птичку. Каково же было ее удивление, когда на пятый день она заметила, что крыло у птицы срослось! Не может такого быть!.. Но вот же, серая пичуга бодро крутит головкой, чирикает маленьким клювиком и шевелит почти здоровым крылышком! На следующий день из окна дома тетушка Сэлуд наблюдала, как ее подопечная с улыбкой на губах, что-то пошептав на прощание, выпустила птицу в небо. И та полетела, радостно размахивая здоровыми крыльями, покружила над своей спасительницей, прощаясь, и улетела в лес.

Зимой настал черед зайца со сломанной лапкой, попавшего в охотничий капкан, терпеть странные манипуляции своей маленькой спасительницы. Тетушка Сэлуд тайно наблюдала, как гладит девочка несчастную зверушку, шепчет ей ласковые слова и лапка на глазах срастается. Как ей это уда-

ется? Удивлялась и ломала голову знахарка. Но напрямую с расспросами обратиться не решалась. Уж очень пугливой и осторожной была ее воспитанница.

Долго тетушка Сэлуд подбиралась к Мэй со своими расспросами окольными путями, пытаясь выяснить, как той удастся лечить животных руками? Девочка отмалчивалась, помня наставления Мельхора, но наставница была ласкова и терпелива. И однажды девочка ей поведала, что сама не знает, как ей это удастся. Просто она жалеет больную зверушку, гладит ее, а кончики пальцев начинает покалывать, словно тонкими иголочками, потом что-то теплое и невидимое начинает перетекать из ее рук в поврежденное крылышко или сломанную лапку. И те заживают прямо на глазах! И про свои странные видения рассказала Мэй, горько пожаловавшись, что из-за них ее посчитали ведьмой.

Тетушка Сэлуд после этих рассказов не стала испуганно креститься и отсаживаться подальше от странного ребенка, но посмотрела на нее каким-то необычным взглядом, словно в голове ее возникла и стала набирать силу тайная мысль.

Прошло две зимы и три лета с тех пор, как Мэй впервые переступила порог дома тетушки Сэлуд. Каждую осень, когда заканчивался сезон сбора трав, травница отправлялась в город продавать свой нехитрый, но ценный товар, выручая за него деньги, необходимые для жизни. В этот раз она взяла с собой Мэй, чтобы унести побольше мешков и мешочков

с сухими травами.

Город поразил Мэй огромным скопищем людей. Как муравейник кишит трудолюбивыми муравьями, так и в городе несметное количество людей сновало по улицам и площадям с радостными или сердитыми лицами, ругающихся или смеющихся, верхом на лошадях, в повозках, или пешком, людей, одетых бедно или богато, в холстину или в бархат, взрослых, старых, молодых... Дети, ровесники Мэй, стайками носились по улицам с веселыми криками и смехом, расталкивая зазевавшихся прохожих.

А какие дома были в городе! Каменные, в несколько этажей, с высокими стрельчатыми окнами. Но такие дома в основном располагались в центре города, поближе к королевскому дворцу, что возвышался на холме, утопая в зелени королевского сада. По окраинам теснились маленькие, бедные домишки, чем-то неувлимо похожие на их с тетушкой Сэлуд дом в лесу или домики в деревне, где выросла Мэй. Город оглушал шумом толпы, грохотом повозок по мощенным булыжником улицам, топотом копыт, звоном церковных колоколов.

С трудом пробравшись сквозь толпу людей на рыночной площади, путницы, прижимая к себе мешки с ценным товаром, свернули на боковую улочку, прошли пару кварталов, миновав большой красивый собор, и остановились возле двухэтажного серого дома с вывеской над входной дверью. На вывеске была нарисована искусным мастером золо-

тая чаша, которую обвивает своим гибким телом змея. Фу, Мэй не любила змей! Ничего хорошего эта вывеска не предвещала.

Тетушка Сэлуд постучала в дверь, и спустя минуту ей открыл худенький подросток с испуганными глазами.

– Господин Беренгар дома? – поинтересовалась травница.

Мальчик кивнул и отстранился от двери, пропуская гостей в дом. А дом был богатым, на неопытный взгляд Мэй. Пока ожидали в прихожей хозяина, девочка не удержалась и с любопытством заглянула в ближайшую от двери комнату. Просторная, с красивой резной мебелью, с бархатными занавесями на высоких больших окнах, с ковром на полу!

Но вышедший встречать гостей плотный пожилой господин с маленькими хитрыми глазками не повел их в эту комнату, а проводил в кухню, где у стены на плите в больших горшках и на сковороде что-то шипело и шкворчало, распространяя аппетитные запахи по всей кухне.

Тетушка Сэлуд разложила на большом обеденном столе свои травы, а господин Беренгар, лекарь и основной покупатель ее товара, с довольной улыбкой перебирал круглыми, короткопалыми, холеными ручками пакеты и пакетики, мешки и мешочки с лекарственными растениями. Приняв товар, он распорядился накормить гостей, а сам отправился за деньгами.

После сытного обеда хозяин вручил травнице небольшой мешочек с серебром, с блеском в маленьких хитрых глазках

наблюдая, как та удовлетворенно взвешивает в ладони заработок.

– Ну, мы в расчете, Сэлуд? – поинтересовался он.

– О да, господин Беренгар! Одно удовольствие работать с вами. Все по-честному: я вам травы, вы мне – деньги. Никогда не обманываете.

– На том и стоим, уважаемая Сэлуд! – довольно поглаживая выступающий круглый живот, ответил лекарь.

Дела были завершены, но старая знахарка не спешила уходить, топталась у кухонного стола, словно не решаясь сказать что-то еще. Ее замешательство заметил хозяин:

– Ты что-то еще хотела?

– Да, господин Беренгар, есть у меня к вам важный разговор. Вот только лишние уши нам не нужны.

– Что за секретность? – усмехнулся лекарь, но отвел травницу в сторонку.

– Я, господин Беренгар, привела с собой воспитанницу, Мэй. Она очень необычная девочка!

– Вижу, с такими светлыми волосами и глазами трудно встретить в наших краях человека. Но город-то большой, бывают тут путешественники с разных концов мира. Так что меня этим удивить трудно, – ответил хозяин дома, недовольно поджимая губы. У него было много дел, а старая знахарка его задерживала.

– Дело не в ее внешности, нет! Девочка обладает необычными способностями лечить руками! Я неоднократно виде-

ла, как она возвращала к жизни покалеченных животных: поводит над ними руками – и раны затягиваются на глазах!

Брови господина Беренгара полезли на лоб, маленькие глазки удивленно округлились. А рассказчица продолжала:

– А еще она может заглядывать в прошлое и предсказывать будущее!

– Ты хочешь сказать, что она ведьма? – Беренгар задумчиво поскреб ногтями гладковыбритый круглый подбородок.

– Может, и ведьма, да только сама об этом не догадывается. Вот если бы у нее нашелся умный наставник да направил бы ее способности в нужное русло, цены бы этой девочке не было...

В голове лекаря закрутилась, закружилась, стала набирать обороты заманчивая идея, от которой у него самого дух захватывало. А ну как у него, известного в определенных кругах, но ничем особенным не выделяющегося врачевателя, появится помощница, которая будет лечить его пациентов руками, и раны, и болезни тех будут вылечиваться прямо на глазах? Он, конечно, замаскирует необычные способности помощницы под пользу от только ему одному известных чудодейственных лекарств, мазей и эликсиров. И слава о выдающемся лекаре пойдет по всему городу, по всей стране. Отбоя от состоятельных пациентов не будет. И потекут к нему в карман денежки золотыми и серебряными реками...

– Ну, скажем, такого наставника я могу найти твоей воспитаннице, – произнес лекарь, старательно пряча под тол-

стыми веками жадный блеск маленьких хитрых глазок. – Как же ты, старая, без помощницы останешься?

– Да я уж как-нибудь, господин Беренгар, не обо мне речь! Мне бы девочку пристроить в хорошие руки.

– Ладно, Сэлуд, так и быть, помогу я тебе. И даже окажу некоторую финансовую поддержку на время, пока ты себе новую помощницу не найдешь. А эта самая воспитанница согласится остаться в моем доме?

– Я ее уговорю, добрый господин Беренгар! – уверенно закивала головой травница.

Пока хозяин дома ходил за еще одним небольшим мешочком серебра в качестве выкупа за Мэй, тетушка Сэлуд объясняла ей, почему стоит остаться в доме лекаря.

– Послушай меня, деточка, – начала она тихим, задушевым голосом, поглаживая девочку по худенькому, угловатому плечу, – я желаю тебе только добра, плохого не посоветую! С самого раннего детства тебе не повезло: семьи у тебя нет, защитить некому, внешностью привлекательной тебя господь обделил, ни один мужчина, когда вырастешь, не посмотрит в твою сторону с твоими-то бледными волосами да прозрачными глазами. Ну какая ждет тебя жизнь?

– Я вам помогать буду травы собирать, тетушка Сэлуд, – ответила Мэй, чувствуя что-то нехорошее в словах наставницы.

– У тебя, деточка, пылливый, ясный ум, ты можешь лечить людей, помогать страждущим. В этом твое призвание! Гос-

подин Беренгар известный лекарь, у него ты сможешь многому научиться. Если будешь умницей, освоишь повивальное дело, что даст тебе кусок хлеба до конца твоих дней. Ведь дети рождались, рождаются и будут рождаться до конца времен! Даже королевы рожают наследников престола! Оставайся в доме господина Беренгара, стань ему помощницей и учись! Вот мой совет тебе, дитя.

Старая травница обняла растерянно хлопающую зелеными, как изумруды, глазами девочку, поцеловала в лоб и, забрав из рук вернувшегося лекаря мешочек с деньгами, быстро вышла за дверь, не дав возможности девочке расплакаться и начать ее уговаривать не оставлять одну в чужом, незнакомом, страшном городе с чужими, незнакомыми людьми.

Глава шестая, в которой господин Беренгар осуществляет хитрый план

Господин Беренгар устроил Мэй в маленькой комнатке на чердаке, из круглого окошка в которой были видны крыши большого города, целое море крыш. В комнатке установили кровать и крохотный столик со стулом, а больше никакая мебель в эту комнатку и не влезала. Но Мэй была рада собственному уголку.

Хозяин пристроил ее помогать в аптеке вместе с другим юным помощником, тем самым худеньким подростком с испуганными глазами, которого звали Руи. Он тоже был сиротой и прижился в доме гостеприимного лекаря, помогая делать лекарства. Мэй сразу прониклась добрыми чувствами к собрату по несчастью.

Руи был молчалив и не в меру робок, и не уверен в себе, отчего с ним все время случались неприятности: то уронит чашу с отваром, то плохо разотрет порошок в ступке, то напутает, в какой пропорции надо смешивать лекарственные травы... Вот ему и попадало от хозяина: то затрещина, то оплеуха. Мэй жалела неловкого Руи и старалась брать себе самые сложные задания лекаря.

У нее-то все в руках спорилось: и эликсиры смешивались из вовремя и правильно приготовленных настоев и отваров, и мази получались хорошие, и порошки она взвешива-

ла на аптечных весах точно, не ошибаясь даже в долях грамма. Господин Беренгар был доволен новой помощницей. Она живо интересовалась тем, как и какие болезни он лечит, а он с удовольствием, в приятном осознании собственного величия, снисходительно делился с ней кое-какими знаниями, но всех тайн не раскрывал. А зачем создавать себе конкурента собственными руками? Хотя какой конкурент из глупой девчонки? Он вообще сомневался в том, что женщина способна конкурировать с мужчиной в своих умственных способностях. Зачем вообще женщине ум? Бог ее не для этого создавал.

Все было хорошо, кроме одного: новая помощница никак не проявляла свои необычные способности лечить руками. Господин Беренгар и так к ней подходил, и эдак... Но скрытая девчонка молчала, делая вид, что не понимает, о чем речь. В конце концов он не выдержал и сказал прямо:

– Мэй, покажи мне, как ты лечишь руками. Не отпирайся, я знаю, что ты умеешь!

Девочка испуганно глянула на него большими, зелеными, как у кошки, глазами и замотала головой:

– Что вы такое говорите, господин Беренгар? Ничего такого я не умею! Как же можно такое уметь простому человеку? Это только ведьмы могут. А я не ведьма! Не ведьма!

– Да успокойся ты, дуреха. – Беренгар положил ей руку на плечо. – Я вовсе не считаю тебя ведьмой! И никому ничего не скажу, честное слово. Слово лекаря! Эта тайна оста-

нется между нами. Я просто хочу увидеть все своими глазами. Ну, покажи, Мэй!

Но упрямая девчонка уперлась – и ни в какую! Не знает, мол, она ничего такого и не умеет. Господин Беренгар разозлился и хотел было отвесить ей подзатыльник, но удержался, понимая, что силой он ничего не добьется. Значит, надо было использовать хитрость.

На разработку хитрого плана ушло несколько дней, а потом оставалось дожидаться подходящего момента. И такой момент не заставил себя долго ждать.

Как-то раз вечером, когда лекарь вернулся домой, навестив очередного заболевшего, он зашел в комнату, где Руи и Мэй готовили лекарства по рецептам самого хозяина. Недотепа Руи, увидев внезапно возникшего на пороге лекаря, вздрогнул от неожиданности и уронил стеклянную колбу с ценной лекарственной жидкостью. Мальчик замер, точно окаменел, с испуганным выражением лица, прижав к груди руки. А Беренгар сразу пошел в наступление:

– Ах ты поганец! – кричал он, наступая на потерявшего дар речи от испуга Руи. – Ты знаешь, сколько денег я отвалил за эту колбу из огнеупорного стекла? Да я тебе, паршивец!..

Холеная ладонь врачевателя с размаху ударила Руи по левой щеке так, что голова мальчишки дернулась. Он заскулил, точно щенок, и упал на колени перед разъяренным хозяином.

– Не бейте его, господин Беренгар! – попыталась вмешать-

ся Мэй.

Но лекарь отпихнул ее в сторону и, с усилием подняв с колен неумеху, затряс его, как тряпичную куклу.

– Сколько можно портить мое добро?! Одни убытки от тебя! Вот я тебе сейчас преподам урок. – И потащил Руи на задний двор, где слуги кололи дрова, стирали и вывешивали на просушку белье и занимались прочими хозяйственными делами.

Мэй бросилась следом в слабой попытке оградить приятеля от наказания. Но хозяин уже доставал розги и, стянув с несчастного рубаху, бросил его на колоду для колки дров. Длинные прутья безжалостно засвистели в воздухе, нанося хлесткие удары на бледную, худую, с выступающими ребрами, спину подростка. Тот только жалобно вскрикивал и дергался всем телом от боли.

– Не надо, господин Беренгар! – кричала Мэй, пытаясь выхватить из его рук розги.

Не тут-то было! Господин Беренгар вошел в раж и сам уже не мог остановиться, вкладывая всю силу в каждый удар, зверея от вида крови, яркими полосами проступившей на побелевшей коже.

Экзекуция закончилась внезапно, словно сломался какой-то механизм в голове хозяина, и он обессиленно опустил дрожащую от напряжения руку и, переводя дыхание, поплелся в дом. Розги выпали из его ладони и, окровавленные, остались лежать на земле. Бедный Руи слабо постаны-

вал, не имея сил подняться с колоды. Мэй бросилась к нему.

– Руи, Руи, ты жив? – бормотала она, помогая мальчику встать на ноги.

– Кажется, жив... – прошептал тот, пошатываясь и чуть не падая от внезапного головокружения и тошноты.

Мэй подставила плечо, обхватила несчастного за талию, стараясь не задевать самые больные места, и помогла пройти в дом, подняться на чердак в такую же, как и у нее, крохотную комнатку. Руи рухнул на кровать животом вниз и застонал, а Мэй побежала на кухню за тазом с чистой водой, чтобы стереть кровь и обработать раны пострадавшего от хозяйского гнева.

Господин Беренгар, расположившись в своем кабинете в уютном кресле, внимательно прислушивался к происходящему в доме, с удовлетворением отмечая, что план его сработал как нельзя лучше. Хотя насилия он не любил, считая его проявление признаком слабости. Но в данном случае игра стоила свеч!

Ночью, когда в доме все уже легли спать, он поднялся на чердак и, склонившись в три погибели, прищипнул глазом к замочной скважине. В комнате Руи на столе горела маленькая свеча. Мальчик так и лежал на кровати, из его уст то и дело доносились слабые стоны, кровь уже не текла, но спину покрывали кровавые полосы. Рядом с кроватью сидела Мэй и, что-то тихо бормоча себе под нос, водила вытянутыми руками, не касаясь спины мальчика.

«Вот ты и попалась», – подумал господин Беренгар, растянув в довольной улыбке пухлые губы. Но торопиться не стоило. Он медленно выпрямил спину и на цыпочках спустился в свою комнату.

Набравшись терпения, хоть ему и хотелось немедленно вывести на чистую воду маленькую врунь, он две ночи подряд ходил на чердак и наблюдал сквозь замочную скважину, как Мэй лечит руками раны на спине Руи. А на третью ночь, не скрываясь, распахнул испуганно заскрипевшую дверь и застыл перед детьми в угрожающей позе.

– Ну что, попалась, белобрысая ведьма?!

Глаза девочки округлились от ужаса, и она прижала ладошку ко рту, словно сдерживая рвущийся наружу крик. Беренгар решительным шагом подошел к кровати и глянул на изувеченную спину мальчишки. К его огромному изумлению он не увидел вспухших, воспаленных, еще сочившихся желтоватой сукровицей красно-бурых полос на спине. Его взору предстали бледные, хорошо затянувшиеся новой прозрачной кожицей, тонкие рубцы.

– Не может быть... – выдохнул он изумленно и устался на девчонку. – Как это у тебя получается? Ведь эти раны должны заживать неделю, а то и больше. Прошло же всего два дня!

Девочка растерянно пожала плечами, продолжая молчать.

– Пойдем-ка, дитя мое, поговорим, – сказал лекарь с угрозой и поволок испуганную девочку за дверь, чтобы Руи

не мог подслушать их разговор.

– Слушай, Мэй, я теперь все про тебя знаю, я все своими глазами видел, как ты лечила этого мерзавца руками. И вылечила ему раны практически за два дня. Это колдовство, дитя мое! – Он погрозил толстым пальцем девочке, нависая над ней всей своей дородной тушей. – Я могу сдать тебя церковникам, а они с удовольствием повесят тебя на площади, на потеху публике и во имя утверждения истинной веры. Ты хочешь этого?

Девочка отрицательно затрясла головой. Ее опять обвиняли в колдовстве, а ведь она всего лишь пыталась спасти от страданий несчастного Руи!

– Вот и я не хочу этого! – внезапно изменил тон голоса хозяин. – Я хочу лишь одного: лечить людей, помогать несчастным, как и ты! Давай же соединим наши усилия, Мэй. Ты будешь лечить руками раны и язвы, ожоги и переломы, а я прикрою тебя своим авторитетом, чтобы никто не заподозрил тебя в колдовстве!

Девочка задумалась, в ее зеленых глазах дрожали отсветы свечи, которую она держала в руках.

– Соглашайся, Мэй, – поторопил ее лекарь, – а не то я выдам твою тайну епископу! Давай, думай скорей своей белобрысой головой!

Но Мэй никак не решалась согласиться. Она слишком хорошо помнила наставления Мельхора, которого считала своим отцом. Взгляд его холодных черных глаз все еще прони-

зывал ее насквозь, все еще предупреждал об опасности.

Беренгар уже начал терять терпение, как случай помог ему склонить Мэй к сотрудничеству. Утром на кухне лекарь услышал, как служанки испуганно и возбужденно трещали про казнь, которая должна состояться в полдень на рыночной площади. С утра пораньше глашатаи разносили эту весть по всему городу, призывая жителей прийти и посмотреть, как наказывают ведьму, настоящую ведьму.

Господин Беренгар не разделял страсть народа к кровавым и жестоким зрелищам и сам ни за что бы не пошел, но тут, взяв упрямую девчонку за руку, лично потащил ее на площадь.

Вокруг эшафота уже гудела, как растревоженный улей, толпа. Мужчины и женщины, старики и дети нетерпеливо вытягивали шеи, вставляли на цыпочки, в попытке разглядеть приговоренную. Из уст в уста передавались небылицы: и рогатая она, и с копытами, и хвост у нее из-под подола торчит! Ужас и нестерпимое любопытство смешались в жуткую, отвратительную смесь, от которой в голове у Мэй стоял нудный, болезненный гул. Ей очень хотелось убежать, спрятаться в какой-нибудь темный уголок, где никто ее не найдет, но цепкие пальцы хозяина до боли сжимали ее запястье. Вырваться было невозможно.

Вдруг ропот, как порыв ветра, пробежал по толпе. К эшафоту на грубо сколоченной повозке везли ведьму. Палач, облаченный в красный, с прорезями для глаз, островерхий

колпак, закрывавший половину лица, помог ей подняться по ступеням. Мэй невольно пыталась рассмотреть вместе со всеми лицо жертвы. Но грязные, спутанные пряди свешивались с ее лба, закрывая лицо. Что она чувствовала в свои последние минуты? Страх ли, раскаяние ли?.. А может, ненависть к своим мучителям?

Высокий худой человек в серой монашеской сутане зачитал список преступлений, за которые и вынесли ведьме смертный приговор: «Наводила порчу на соседей, опоила отравой соседскую корову, отчего та и издохла, колдовством навлекла засуху и неурожай на всю деревню и окрестности, с помощью ворожбы и заговоров пыталась вызвать выкидыш у соседки, что привело к смерти и матери, и плода...» Мэй спустя пару минут перестала вслушиваться в слова, потому что обвиняли несчастную во всех, абсолютно во всех несчастьях, случившихся в деревне, где та жила. «Так вот какая участь ожидала меня», – подумала она, и зябкий холодок страха пробежал вдоль ее позвоночника.

Тем временем чтение приговора закончили, и страшный палач в красном колпаке подвел приговоренную к виселице. Длинная веревка с петлей на конце хищным языком покачивалась на ветру в предвкушении жертвы. Лишь на мгновение женщина подняла вверх голову, и взгляду Мэй представало ее бледное, узкое, изможденное лицо с темными провалами глаз. Палач быстро накинул ей на голову мешок, а следом веревочную петлю...

Мэй изо всех сил зажмурила глаза, чтобы не видеть, что произойдет дальше, но... проклятый дар услужливо демонстрировал ей картинки сквозь сомкнутые веки: вот удавка затягивается на шее, вот палач дергает какой-то рычаг, и скрытый в полу люк разверзается под ногами жертвы с ужасным скрежетом, словно адские ворота... Испуганный и одновременно удовлетворенный вздох прокатывается по толпе...

Рука господина Беренгара трясет девочку, потом лупит ее по щекам.

– Эй, ну-ка немедленно приди в себя, нечего тут в обмороки падать!

Мэй открыла глаза и посмотрела по сторонам. Зрители уже расходились после «представления», кто – утирая слезы, кто – посмеиваясь, а кто – безразлично зевая. Чтобы их не затолкали, хозяин потянул Мэй домой.

– Ну, надеюсь, тебе не хочется однажды оказаться на этом эшафоте? – спросил он. – После такого зрелища ты согласишься работать со мной?

Что оставалось Мэй? Она согласилась, а господин Беренгар торжествовал победу, мысленно уже подсчитывая прибыли от нового секретного предприятия.

Глава седьмая, в которой господин Беренгар становится богатым и знаменитым

И началась новая жизнь. Теперь господина лекаря всегда сопровождала юная помощница, которая носила за хозьином небольшой сундучок с инструментами и лекарствами. Врачеватель осматривал больного и поручал ей обработать рану мазью или перевязать бинтами, смоченными в специальном эликсире, и уходил в соседнюю комнату. И пока помощница занималась больным, не только перевязывая, но и зачем-то водя над раной руками и тихо что-то бормоча, ее хозяин читал лекцию родственникам больного о пользе здорового образа жизни или о вреде злоупотребления алкогольными напитками. И делал это так ярко и вдохновенно, что слушали его с открытыми ртами, позабыв обо всем на свете. Вскоре лекции господина Беренгара стали популярны и на них приходили не только родственники его пациента, но и их соседи, знакомые.

Слава лекаря росла как на дрожжах не только из-за его незаурядных ораторских способностей, но прежде всего потому, что выздоравливали его пациенты гораздо быстрее, чем у других докторов: резаная рана заживала за пару дней, а перелом за неделю! Вскоре Беренгар поднял цены на свои

услуги, дабы отбить охоту лечиться у знаменитости всяким беднякам. Доходы стали расти параллельно славе.

У Мэй хорошо получалось залечивать травмы и язвы на коже, а вот с внутренними болезнями было гораздо сложнее. Не хватало знаний. И тогда она попросила своего благодетеля разрешить ей пользоваться его обширной библиотекой. Снисходительно усмехнувшись, господин Беренгар разрешил. Теперь все свое свободное время Мэй проводила в большом кресле в библиотеке среди старинных книг. Тем более что хозяин категорически запретил ей общаться с посторонними людьми. Даже со своими сверстниками она не имела права общаться, только грустно наблюдала за жизнью соседских детей из окна. Да и дружбы с Руи теперь была лишена, так как, недовольный работой мальчика, господин Беренгар отправил его ухаживать за аптекарским огородом, устроенным за городом по приказу лекаря в связи с возросшими потребностями в лекарственном сырье.

Через пару лет пришлось менять место жительства. Ведь за помощью к знаменитому лекарю стали обращаться люди богатые, приближенные ко двору его королевского величества! Старый двухэтажный домик недалеко от рыночной площади господин Беренгар продал и со всеми слугами и домочадцами переехал в красивый просторный особняк в центре, поближе к королевскому дворцу. Теперь у всех слуг были красивые ливреи, расшитые серебром. Мэй тоже нарядили в новое платье из хорошей, дорогой ткани. Ведь извест-

ного на весь город лекаря, идущего к не менее известному пациенту, не может сопровождать замухрышка в заплатанной одежонке! Также выделил ей хозяин в новом доме большую, светлую комнату рядом с библиотекой.

Однажды Мэй сопровождала господина Беренгара в дом важного придворного вельможи. У того семнадцатилетний сын Агустин упал с лошади во время охоты и сломал ногу. Вся челядь в доме готова была выскочить из собственной кожи, лишь бы облегчить страдания молодого хозяина. Но страдания не облегчались.

Дом вельможи оказался настолько богатым и роскошным, что дом самого Беренгара в сравнении с ним казался убежищем бедняка. От входа на второй этаж вела широкая мраморная лестница, а в стенных нишах были выставлены настоящие статуи прекрасных женщин в струящихся длинных платьях. Мэй залюбовалась их хрупкими, нежными, как живыми, очаровательными головками, изящными руками, застывшими в плавных, чарующих жестах. Так бы и стояла помощница врачевателя, восхищенно замерев перед произведениями искусства, если бы хозяин не окликнул ее нетерпеливо.

На втором этаже особняка все стены были увешаны картинами в тяжелых золоченых рамах. Сцены охоты и отдыха на природе были изображены так убедительно и правдиво, что Мэй показалось, что она слышит топот лошадиных копыт и звуки охотничьего рога. А в пышных кронах деревьев

щебетали птицы. И журчание прозрачного ручейка, на берегу которого устроились прекрасные дамы в летних нарядах, слышался уху впечатлительной зрительницы совершенно отчетливо. Ее оторвал от созерцания картин очередной оклик господина Беренгара.

Мэй вошла следом за лекарем в роскошную спальню и увидела лежащего на кровати юношу. Лицо его, вытянутое, бледное, обрамленное длинными шелковистыми локонами, с тонким благородным носом, с изысканной линией губ, было искажено гримасой боли, а глаза были закрыты. Господин Беренгар быстро установил причину страдания и предоставил своей помощнице лечить молодого пациента. А сам ушел к хозяину дома просвещать того в отношении организации ухода за больным и правильного питания.

Мэй подошла к кровати. Ее поразила дивная красота юноши. Его тонкие руки с длинными, изящными пальцами безвольно покоились на шелковом одеяле, всем своим видом выражая безмерное страдание. А когда он взглянул на нее карими, миндалевидными глазами, в них была такая мольба о помощи, что сердце ее дрогнуло. Откинув край одеяла, Мэй осматривала распухшую ногу пострадавшего, когда в комнату вошла красивая, модно одетая девушка, удивительно похожая на больного. Как потом выяснилось, это была сестра-близнец Агустина, Инесс. Девушку можно было бы назвать прекрасной, если бы не высокомерное, надменное выражение ее лица.

Инесс уселась на стул возле кровати и уставилась с любопытством на помощницу лекаря. Этот взгляд смутил Мэй. Не поднимая на юную госпожу глаз, она робко спросила:

– Мази, компрессы, притирания не достойны взгляда благородной госпожи. Может быть, госпожа лучше пойдет послушает рекомендации господина Беренгара?

– Я сама решу, что достойно моего взгляда, а что не достойно! – резко, с раздражением ответила Инесс и не пошевелилась.

Пришлось терпеть ее присутствие при лечении Агустина. Свои манипуляции Мэй скрывала под наложением компрессов и втиранием мазей в сломанную конечность. И тихонько, таясь от Инесс, бросала восхищенные взгляды на лицо юноши. Ах, какие у него глаза! Так бы и смотрела не отрываясь...

Отчего-то теперь Мэй с нетерпением ждала следующего посещения больного, а по ночам ей снились его прекрасные глаза с длинными, черными, пушистыми ресницами. И сердечко начинало биться быстро-быстро в предвкушении новой встречи. И становилось немного грустно от мысли, что вот вылечит она ему ногу и больше они никогда не увидятся...

Лечение шло успешно. На второй день отек и припухлость в месте перелома исчезли, боль уменьшилась. А через неделю пациент повеселел, заулыбался и начал строить планы на будущее. Пока Мэй колдовала над травмированной ко-

нечностью, Агустин весело болтал со своей сестрой. А помощница лекаря с замирающим сердцем ловила звуки его голоса, его переливчатого смеха.

Наложив новую повязку с мазью, Мэй собрала бинты и лекарства, убрала все в маленький сундучок и, поклонившись на прощание, пошла к двери. Она не успела еще закрыть за собой дверь, как до ее ушей долетел разговор:

– Странная эта помощница Беренгара! – произнесла Инесс.

– Замечательная помощница! У нее просто волшебные руки! – воскликнул Агустин. – От каждого ее прикосновения становится легче.

– Хм... Смотри не влюбись в нее, братец! – хмыкнула собеседница.

– Влюбиться? В эту бледную тень?!... – Мэй даже дышать перестала, вслушиваясь в его слова. – Да она бледнее утренней луны. Мне кажется, у нее и лица-то нет. Блеклое пятно какое-то в окружении бесцветных волос. Фи!

И столько было пренебрежения в его голосе, что руки Мэй задрожали, и, чуть не выронив сундучок, она опрометью бросилась вон из роскошных комнат богатого дома. Слезы текли по ее щекам, пока она бежала вниз по мраморным ступеням парадной лестницы, а в голове пульсировало: «Нет лица, нет лица...» Права была тетушка Сэлуд с ее горькими, обидными наставлениями. Она некрасивая, блеклая от природы, никогда никто не посмотрит на нее с любовью и вос-

хищением! Никогда...

К счастью, процесс лечения уже подходил к концу. И Мэй отпросилась у господина Беренгара, сославшись на головную боль, и не пошла в последний раз взглянуть на больного. Но лекарь и не настаивал. Сломанная кость срослась, а поговорить с пациентом о лечебной гимнастике и ваннах с морской солью он и сам мог. Да и процесс получения гонорара был волнующим и приятным моментом, в котором присутствие помощницы не требовалось.

А вскоре настало время использовать дар ясновидения Мэй. Господин Беренгар ночами не спал, сожалея, что не все таланты своей помощницы направил в свою пользу. Но кричать на каждом углу о ее способности видеть будущее и заглядывать в прошлое не мог. Призрак человека в красном колпаке с прорезями для глаз маячил за спиной и пробуждал в душе страх. Большой новый дом и знакомства в среде придворных и городских богачей навели его на мысль о тайном обществе любителей гаданий по руке.

По пятницам поздним вечером в доме лекаря собирались 3—5 человек, преимущественно дам высшего света, и Мэй гадала им по линиям руки. Вернее, делала вид, что внимательно рассматривает линии на их холеных ладонях, а на самом деле всматривалась в череду картинок, мелькающих перед ее мысленным взором. Она давно научилась не вздрагивать всем телом от этих видений, давно научилась выби-

рать и пересказывать только те видения, которые знатные дамы желали услышать, а желали они слышать преимущественно о своих сердечных делах. Если Мэй видела болезни или смерть в перекрестиях ладонных линий, то молчала.

И спустя несколько месяцев в дом господина лекаря по пятницам стали приходить самые любопытные, богато разодетые и легко расстающиеся со своими деньгами посетители. Организованное Беренгаром предприятие по извлечению прибыли из способностей маленькой помощницы процветало!

В день пятнадцатилетия Мэй случилось событие, перевернувшее всю ее жизнь. Но в тот момент, когда посыльный принес записку для господина лекаря, выросшая и повзрослевшая за последнее время Мэй, конечно, не знала и не подзревала, как вскоре изменится ее судьба.

Мэй тоскливо смотрела в окно своей комнаты. Никто ее не поздравил с днем рождения. Да и не с чем было поздравлять: минул еще один год заточения и подневольного труда. А на улице кипела жизнь! Зазывалы из близлежащих лавочек и магазинчиков звонкими голосами расхваливали товары, выставленные на продажу в их заведениях; хозяйки с корзинками в руках, наполненными продуктами, спешили домой, на кухню, заняться приготовлением пищи; модно разодетые дамы и кавалеры неспешно прогуливались вдоль чугунной решетки королевского сада; изредка проез-

жали вельможи в золоченых каретах, запряженных красивыми тонконогими лошаdkами; всадники, цокая копытами по булыжникам мостовой, торопились во дворец с поручениями; чумазые воришки-карманники облегчали кошельки зазевавшихся прохожих, с любопытством рассматривающих выступающие над кронами деревьев сада за оградой высокие башни королевского дворца. И на все это великолепие щедро разливало летнее солнце свое золотое сияние. Вдруг послеобеденную тишину дома нарушил крик:

– Мэй! Мэй! Срочно собирайся, меня вызывают во дворец к королю! – истерично кричал господин Беренгар, и в этом крике смешались испуг и восторг.

Мэй быстро собрала сундучок, спрятала золотистые волосы под скромный чепец и спустилась вниз, где ее уже ждал хозяин, разодетый как павлин, надушенный модными духами и такой взвинченный, что не мог от волнения устоять на месте, переступал с ноги на ногу, приплясывал, подпрыгивал, постукивая об пол изящной резной тростью с золоченым набалдашником.

– Меня сам король вызывает во дворец! – сообщил он девушке, горделиво выпятив грудь в кружевном жабо. – Давай, поторапливайся, нельзя заставлять ждать короля!

Во дворце Мэй до сих пор никогда не бывала, хоть и любила смотреть, выглядывая в окно своей комнаты, которое как раз выходило на высокую витую чугунную решетку сада, прилегающего ко дворцу, как по дорожкам гуляют при-

дворные в роскошных нарядах. И вот теперь она шла в шаге позади господина Беренгара и с удивлением и восхищением смотрела по сторонам.

Их торопливые шаги гулким эхом отражались в высоких сводчатых коридорах, тяжелые резные двери скрывали от них дворцовые тайны, сквозь витражи в высоких стрельчатых окнах лился солнечный свет, бросая разноцветные блики на каменные плиты пола. С огромных картин в золоченых рамах на них смотрели прекрасные дамы и суровые рыцари в старинных нарядах.

Когда они подошли и остановились у одной из дверей, гвардеец с каменным лицом в синем мундире с золотыми нашивками преградил им дорогу. Но господин Беренгар решительно продемонстрировал ему записку, присланную от короля, и их пропустили. Лицо у гвардейца при этом осталось каменным, ни один мускул не дрогнул на нем.

За дверью оказалась довольно просторная комната, в которой уже ждали аудиенции солидные и важные господа, чем-то, возможно несколько надменным выражением лиц, отдаленно похожие на господина Беренгара. В основном пожилые, убеленные сединами и умудренные жизненным опытом, богато одетые, они держались каждый сам по себе, стараясь не разговаривать и даже не смотреть в сторону других посетителей.

– Кто это? – тихо спросила Мэй своего хозяина.

– Самые известные врачеватели королевства, деточка. И я

среди них, заметь! Говорят, наша королева Леонор больна. Придворные лекари не справились со своей работой, вот король Амадис и вызвал всех, кто может помочь. Так что, Мэй, соберись, будь внимательна и сосредоточена и не подведи меня! Это шанс, деточка, такой шанс для меня! – старый лекарь жарко зашептал ей на ухо, сверкая маленькими хитрыми глазками. – Если ты справишься и вылечишь королеву, я стану самым знаменитым и самым высокооплачиваемым в столице. Возможно, король сделает меня придворным медиком!

Из дверей, ведущих в личную опочивальню королевы, периодически выходил гвардеец и вызывал одного из приглашенных господ по очереди. Вызванный скрывался за дверью и, проведя там некоторое время, выходил с озадаченным, а то и расстроенным выражением лица. Видимо, тяжелый недуг настиг Леонор, что пока не находилось умельца справиться с ним.

Наконец подошла очередь господина Беренгара. Гвардеец громко назвал его имя, но преградил было дорогу Мэй.

– Это моя ассистентка! – с вызовом произнес господин Беренгар, и страж отступил, пропуская в королевские покои их обоих.

В большой, просторной комнате, стены которой были затянуты гобеленами, а пол устлан коврами, у стены возвышалась кровать под бархатным балдахином с шелковыми кистями и бахромой. Занавеси на окнах были полузакры-

ты, чтобы солнечный свет не тревожил больную. На кровати, укрытая шелковым одеялом, лежала хрупкая, бледная женщина. Черные длинные волосы разметались по подушке, черты лица, некогда прекрасные, заострились и выражали безмерное страдание. Рядом с кроватью стоял сам король Амадис: высокий, сутулый человек с первыми серебряными нитями седины на висках и темными, исполненными тревоги глазами.

– Господин Беренгар, – произнес король, и голос его был полон усталости и тревоги, – королева тяжело больна, но никто не может даже определить причину болезни, не то что оказать помощь. Прошу вас, используйте все свои знания, весь свой опыт и умение. Если вы сумеете помочь нам, я в долгу не останусь.

Лекарь и его помощница низко поклонились государю. Затем хозяин с почтительным поклоном подошел к постели и взял руку страдальцы, щупая пульс. Незаметно он кивнул Мэй, давая знак подключиться к процессу. Девушка открыла сундучок, достала оттуда небольшую деревянную слуховую трубку с раструбами на обоих концах и передала ее хозяину. Тот склонился над королевой, приложив один раструб к груди больной, ко второму прижав собственное ухо. Пока он выслушивал сердце, Мэй осматривала лежащую перед ними женщину, тихонько, осторожными движениями ощупывала ее руки и ноги, провела ладонями над телом, внимательно прислушиваясь к ощущениям в своих руках.

Когда осмотр больной был завершен, господин Беренгар отвел Мэй в сторонку и встревоженно спросил:

– Ну что? Ты поняла, что с ней?

– Нет, господин... – Мэй виновато опустила глаза. – В животе у нее какая-то чернота, как черная дыра, высасывающая жизнь. Она черная и огромная. Но я не знаю, что это такое и что с ней делать.

– Плохо, очень плохо! – недовольно проворчал лекарь. – Похоже, не стать мне придворным медиком...

Раскланявшись перед королем, они покинули опочивальню и вернулись в комнату ожидания. Когда тонкий ручеек врачей, рискнувших попытаться спасти королеву, иссяк, король с печальным лицом вышел к собравшимся.

– Благодарю вас, господа, за то, что откликнулись на мой призыв, – начал он тихим и безнадежным голосом.

Но не успел король договорить, как по коридору зазвучали решительные шаги и дверь распахнулась. Все присутствующие с удивлением уставились на вошедших. Это были двое мужчин в чужестранной одежде, в которой доминировал белый цвет. Мэй даже показалось, что от новых посетителей исходит какой-то свет, так были оба светлы: светлые, с золотистым оттенком волосы, усы и курчавые светлые бородки, светлые, как капли небесной лазури, глаза. Высокие, статные, похожие друг на друга, как братья, по возрасту чужестранцы годились Мэй в отцы. Они склонились в почтительном поклоне перед королем, а гвардеец, отчего-то вол-

нуясь, громко произнес:

– Господа Творимир и Братонег из Страны Озер.

Лицо короля Амадиса озарила надежда. А Мэй шепотом спросила у своего хозяина:

– Кто эти люди?

– Это волхвы из Страны Озер, – так же шепотом ответил Беренгар, с нескрываемым любопытством рассматривая новоявленных гостей.

По комнате легким сквознячком прошелестел удивленный шепоток. Все были ошеломлены внезапным появлением волхвов. Король, явно воспрянувший духом, повел волхвов в королевскую опочивальню. А Мэй пристала с расспросами к господину Беренгару.

– Кто такие волхвы? Я первый раз о них слышу.

– О, это известные на весь мир волшебники и предсказатели! Их страна расположена на северо-востоке от Великого моря. Говорят, даже всадники Черного Князя ни разу не напали на них, потому что их поселения защищают непроходимые леса и болота. Попасть к ним можно только водным путем, по рекам и озерам, в изобилии покрывающим те земли. Волхвы слывут непревзойденными врачевателями и колдунами. Поговаривают, что им подвластны даже стихии. Если засуха в стране и людям грозит неурожай, они призывают дождь. Если разыгралась буря, они могут ее остановить одним заклинанием. А могут наслать бурю на врагов своих. Так что с этими волхвами никто и не связывается, не напа-

дает на них. Вот и живут тихо и мирно, богатеют год от года, на зависть окружающим. А еще говорят, они владеют некоей тайной, сокровищем волхвов.

– Что за тайна? Какое сокровище? – прошептала Мэй, зеленые глаза которой расширились от любопытства и удивления.

– Это то ли тайное заклинание, то ли секретный состав какого-то эликсира, никто точно не знает. Но, говорят, тот, кто завладеет этим сокровищем, станет властителем всего мира!

Никто не спешил покидать королевский дворец, все дожидались, что скажут волхвы. А те пробыли возле королевы довольно долго, а когда вышли к ожидающим, лица их были светлы и спокойны. Король же изменился до неузнаваемости. Он был так рад и счастлив, что, казалось, помолодел на десяток лет. Значит, иноземные врачеватели сумели разгадать загадочный недуг Леонор и найти против него лечение. Собравшиеся медики шушукались и перешептывались, напрочь позабыв о недоверии друг к другу и конкуренции. Все сомнения развеял король, радостным и торжественным голосом возвестив:

– Господа, достопочтенные Творимир и Братонег согласились лечить королеву. Ей стало легче после первой же попытки лечения. Я очень надеюсь на помощь наших дорогих гостей. – Король улыбаясь подошел к волхвам и пожал им руки, словно равным себе. Те сдержанно поклонились.

На радостях государь распорядился выдать всем лекарям,

пришедшим во дворец по его зову, солидное вознаграждение, хоть они и не смогли помочь королеве. А потом снова удалился в покои супруги в сопровождении волхвов.

Господин Беренгар, удовлетворенно ощупывая несколько золотых монет в своем кармане, всю обратную дорогу рассказывал всякие сказки про лесных волшебников – волхвов, а Мэй думала о том, как много в мире интересного и необычного. И вообще, оказывается, мир гораздо больше и загадочнее, чем она себе представляла.

Глава восьмая, в которой Мэй знакомится с волхвами и узнает свою тайну

У господина Беренгара появились пациенты и в среде придворных, чем он очень гордился и при случае в беседах не забывал об этом упомянуть. Спустя пару дней после появления волхвов во дворце он велел Мэй отнести одному из своих новых высокопоставленных пациентов приготовленную им собственноручно мазь в дворцовые покои. Девушка быстро собралась и побежала во дворец в надежде еще раз пройтись по красивым дворцовым залам и коридорам, полюбоваться на прекрасных дам и кавалеров, обитавших в пристанище короля.

Она доставила мазь по адресу и уже возвращалась обратно, легко прыгая по лестнице через ступеньку, из-под белого чепчика выбились непослушные золотые пряди, как вдруг с размаха налетела на внезапно вышедшего из-за угла человека.

– Ой! – вскрикнула Мэй, покачнувшись. От падения ее удержали сильные руки чужестранца в белых одеждах.

Это был один из волхвов, лечивших королеву.

– Вы не ушиблись, юная госпожа? – светлые голубые глаза смотрели на нее с искренней теплотой и сочувствием, а голос

звучал вполне дружелюбно.

– Нет... Простите меня, пожалуйста, – извинилась Мэй, робея перед чужестранцем.

А тот с таким интересом рассматривал ее, продолжая придерживать руками за плечи, будто она все еще могла упасть, что Мэй забеспокоилась. У нее что-то с лицом? Она умудрилась где-то испачкаться? Или ее волосы так растрепались, что стали похожи на воронье гнездо? Волхв рассматривал ее как внезапную и удивительную находку.

– Кто ты, дитя?.. Откуда ты здесь? – наконец спросил он.

– Я помощница господина Беренгара, знаменитого лекаря, – пролепетала Мэй, чувствуя, как сильно забилося ее сердце.

– Невероятно!.. Этого не может быть!.. – чужестранец явно пропустил мимо ушей ее слова, а был полностью поглощен какой-то мыслью, потрясшей его до глубины души. – Пойдем, я должен показать тебя брату!

Мэй хотела было воспротивиться, но сильные руки мягко, но настойчиво повлекли ее вниз по лестнице, в сад. Девушка бежала, еле успевая за торопливыми шагами волхва. От быстрого движения шитые золотом полы белого плаща развевались, открывая красные узорчатые голенища мягких сафьяновых сапог. Девочка с любопытством посмотрела на держащую ее за плечо руку иноземца. Белый рукав из тонкого сукна был расшит очень красивым разноцветным орнаментом, в котором сочетались красный, синий и желтый цве-

та. А на груди то и дело мелькал большой золотой медальон с диковинным зеленым камнем в центре, похожим на глаз сказочного зверя.

Они прошли по одной аллее сада, свернули направо и возле цветущего куста сирени увидели второго чужестранца. Тот сидел на скамейке и читал книгу.

– Творимир, смотри кого я привел! – радостно возвестил тот, что сопровождал Мэй. – Она тебе никого не напоминает?

Творимир оторвался от книги и внимательно посмотрел на Мэй. В голове девушки молнией сверкнула мысль: а что если чужеземные волшебники решили ее превратить в кого-нибудь? Кто знает, что на уме у этих колдунов?

– Не может быть!.. – растерянно прошептал Творимир, и лицо его вытянулось, а глаза округлились. – Как это могло случиться? Где ты ее нашел, Братонег?

– Здесь во дворце! Можно сказать, она сама свалилась мне в руки!

Братья переглянулись, и их бородатые лица расцвели радостными улыбками.

– Как тебя зовут, милое дитя? – спросили они в один голос.

– Мэй...

– О, нет, нет, это не может быть твоим именем! А как зовут твою мать? И где она?

Вопросы сыпались на притихшую от испуга девушку как

из рога изобилия. Что она могла ответить? Что та женщина, которую она любила и искренне считала своей матерью, посчитав ее ведьмой, отправила жить к знахарке? Что с тех пор она, как бесприютная странница, живет по чужим домам? Что на свете нет ни одной живой души, которую она бы считала родной?

– Я сирота... – наконец пробормотала она.

– Я так и знал. Она умерла, умерла еще давно. Но откуда ребенок?..

Волхвы обменивались друг с другом одними им понятными намеками, странными выражениями.

– Кто умер? – спросила Мэй, ничего не понимая.

– Твоя мать умерла давно. Но о тебе мы так и не узнали, к великому нашему сожалению.

– Почему вы должны были узнать обо мне? – совсем растерялась девушка.

– Потому что ты – наша.

Творимир усадил ее рядом с собой на скамейку, ласково обнимая за плечи, и стал объяснять:

– Разве ты не замечаешь, как не похожа на окружающих людей? У тебя такие светлые волосы и зеленые глаза, как у твоей матери. Посмотри на нас с Братонегом.

Мэй действительно видела внешнее сходство, но никак не могла понять, причем здесь ее мать, которую она никогда не знала.

– Больше пятнадцати лет назад наша сестра Услава отпра-

вилась в путешествие посмотреть мир и пропала. Ее муж, царь волхвов Благодар, несколько раз снаряжал людей на поиски, но они не дали результата. Мы, конечно, в конце концов узнали, что Услады нет в живых. А вот о тебе мы даже не подозревали! И отец твой не знал! – рассказывал Творимир.

– Это такое счастье, что ты нашлась! – заключил Братонег. Мэй была в полной растерянности.

– Вы хотите сказать, что я ваша родственница?

– Ну да! Ты дочь нашей сестры. Вот только имя у тебя местное, нам непривычное. Но мы это исправим!

То ли руки у волхвов были такими добрыми, то ли улыбки излучали такой свет, что наконец Мэй почувствовала, что эти двое незнакомцев близкие ей люди. В глубине души задрожала, завибрировала тонкая струна, и девушка, всхлипнув несколько раз, расплакалась. А Творимир, нежно прижимая племянницу к своей груди, гладил её большими теплыми ладонями по вздрагивающим плечам и утешал:

– Не плачь, девочка, теперь все будет хорошо. Скоро ты вернешься домой, к родным и близким. Вот радость-то будет отцу и бабушке! А братья твои с ума сойдут от счастья... Как же ты похожа на маму...

У нее есть семья, большая, дружная семья! С восторгом думала об этом Мэй, утирая безудержно текущие по щекам счастливые слезы. Теперь она не одна. Теперь никто не будет считать ее колдуньей или ведьмой и пугать публичной каз-

нюю. Но радость омрачалась мыслью о господине Беренгаре. Как он отнесется к обретению ею родной семьи? Отпустит ли с дядями в далекую страну?

Отъезд волхвов в обратный путь зависел от успехов лечения королевы. А успехи эти были почти невероятными! Еще недавно неподвижно лежавшая в постели страдальца с изможденным бледным лицом через неделю после начала лечения уже ходила по комнате и гоняла нерадивых служанок.

Мэй ломала себе голову, как известить господина Беренгара о своем решении покинуть его и отправиться на родину предков? Но не придумала ничего лучше, чем сказать всю правду. Ну не умела она лгать и обманывать! Хозяин пришел в бешенство: он кричал, размахивал руками, топал ногами и угрожал всеми карами небесными. Мэй выслушивала гневную отповедь сидя на стуле, сжавшись в комок от страха, с сильно бьющимся сердцем.

Вдруг хозяйский гнев утих, будто и не было его вовсе, лицо лекаря разгладилось, повеселело, пухлые губы растянулись в ласковой улыбке, а маленькие глазки спрятались за толстыми веками, превратившись в узкие щелки.

– Ох, прости меня, деточка, – извиняющийся голос господина Беренгара был сладок и убедителен, – наговорил я тут лишнего. Прости! Конечно, я понимаю, внезапно обретенная родня – это самое главное. Понимаю... Мне будет жаль с тобой расставаться, все-таки несколько долгих лет трудились вместе на благо больных. И успешно трудились! Ты жи-

ла в моем доме, как родная. Да и относился я к тебе как к дочери. Вот теперь останусь один на старости лет...

Уголки его губ печально опустились, а в глазах мелькнула непрощенная слеза. Мэй стало жалко господина Беренгара, добрая ее душа позабыла и запрет на общение с другими людьми, и изгнание из дома Руи, единственного друга Мэй, и угрозы выдать церковникам, а помнила только хорошее. Действительно, никто в доме ее не обижал, поили и кормили наравне с хозяином, одевали-обували, обучали всяким премудростям... Мэй почувствовала себя неблагодарной эгоисткой.

– Господин Беренгар, – бросилась она утешать и уговаривать хозяина, – вы найдете себе нового помощника, более толкового, чем я. Теперь весь город вас знает, знает и уважает. От желающих оказаться на моем месте отбоя не будет, вот увидите! Вы не останетесь один. А я... Я же не знала, даже не догадывалась, что у меня есть семья. У меня отец есть, бабушка, братья. Я очень хочу их увидеть! Поймите меня, пожалуйста, и отпустите!

Господин Беренгар вздохнул и погладил Мэй по золотистой макушке.

– Ну, что с тобой делать? Иди, собирайся... – произнес он, и девушка радостно сорвалась с места и побежала в свою комнату.

Она стала собирать вещи, весело напевая себе под нос какую-то нехитрую песенку, предвкушая встречу с родными,

и не заметила, не услышала, как щелкнул ключ в замке, закрывая дверь комнаты снаружи.

А господин Беренгар, убрав ключ в карман, довольно потирал руки. Теперь она никуда не денется! Еще чего выдумала, глупая девица, оставить его одного! Что будет стоить его лечение без ее помощи? Ничего! И народ быстро поймет, что господин Беренгар ничем не отличается от остальных врачей в городе. И прекратится широкий, щедрый поток денег в его карманы. И слава его угаснет быстро и безвозвратно. Допустить такое развитие событий лекарь не мог, поэтому и принял решение запереть девушку в ее же собственной комнате. Главное переждать, когда волхвы из Страны Озер закончат лечение королевы и уедут. Без них девчонка поплачет да успокоится, и все пойдет по-прежнему.

Обнаружив себя запертой в собственной комнате, Мэй долго билась в закрытую дверь, как пойманная и посаженная в клетку птица. Маленькие кулачки покрылись синяками и ссадинами, глаза опухли от слез, голос охрип от крика, но дверь оставалась наглухо закрытой. Девушка, поняв, что обычный путь на свободу перекрыт, выглядывала в окно, пытаясь оценить возможность выбраться через него. Но под окном не было ни балкона, ни карниза, а падение с высоты второго этажа на мощенную камнем мостовую вполне могло обернуться смертью, а уж разбитой головой и сломанными костями непременно. Спустя несколько часов силы и слезы у нее иссякли, и Мэй легла на свою кровать, свернувшись

клубочком и обреченно уставившись невидящими глазами в стену.

Глава девятая, в которой мечты господина Беренгара рушатся

Весь королевский дворец гудел, как растревоженный пчелиный улей: сегодня вечером ожидался первый выход королевы Леонор после окончания лечения. Придворные кавалеры, еще совсем недавно перебиравшие свой гардероб в поисках скромных траурных одежд в преддверии похорон, с замиранием сердца готовились лицезреть вставшую со смертного одра повелительницу. А придворные дамы ломали себе головы, во что же нарядиться, чтобы произвести впечатление на загадочных лесных волшебников, спасших из лап смерти их королеву.

Но вот вечер наступил, накрыв сверкающий огнями королевский дворец темно-синей вуалью небес с серебряной звездной вышивкой. Тронный зал уже был полон народа. Пламя свечей отражалось в драгоценных украшениях придворных, любопытством горели глаза красавиц, восторженный шепоток волнами прокатывался по залу от одной стены к другой и возвращался обратно.

И вдруг все замерли, в тронном зале на мгновение повисла тишина, так что отчетливо было слышно, как скрипнули высокие входные двери, щедро украшенные золоченой резьбой, когда на пороге появились два чужестранца в белых одеждах непривычного фасона. Длинные плащи, вышитые

золотом по краям, скользили по паркету. Мягкие сафьяновые сапоги ритмично постукивали каблуками, пока волхвы проходили мимо толпы онемевших придворных ближе к королевскому трону. За их спинами невесомым шлейфом следовал восторженный вздох.

– Как им это удалось?

– Это же колдовство!

– Какая разница, колдовство или нет? Главное, королева жива и поправляется!

– Но они же опасны, опасны!.. – шептали в толпе.

И вот на пороге зала появились король Амадис с королевой Леонор. В роскошном платье, сверкая драгоценными украшениями, королева медленно, поддерживаемая супругом под руку, прошествовала к трону. Под слоем румян уже не была видна ее болезненная бледность. Она, конечно, похудела за время болезни, но худоба была даже ей к лицу. Но, главное, счастливая и торжествующая улыбка играла на ее губах, вызвав шквал восторженных возгласов в толпе.

Едва властители заняли свои места на троне, придворные, торопясь, толкая друг друга, ринулись выражать свою неподдельную радость лично королеве. Поднялся такой шум и гвалт, что королева поморщилась, и король, чутко уловив ее настроение, поднял руку, призывая к тишине.

– Господа, – произнес он громко, – все мы несказанно рады выздоровлению нашей августейшей государыни. Но прошу вас не шуметь. Ее Величество еще слаба после болезни

и быстро утомляется.

Спустя несколько минут толпа притихла. И король продолжил, обратившись в сторону чужестранцев:

– Дамы и господа, я прошу всех присоединиться к выражению нашей искренней благодарности господам Творимиру и Братонегу из Страны Озер, благодаря непревзойденному мастерству врачевания которых наша королева сейчас с нами!

Все взоры обратились к чужестранцам в белых одеждах, а усыпанные драгоценными перстнями и кольцами руки устроили настоящую овацию. Волхвы скромно склонили свои светлокудрые головы.

– Да здравствуют волхвы!

– Слава лесным волшебникам! – неслось со всех сторон сквозь гром аплодисментов.

Но тут королева подняла изящную руку, и сразу воцарилась тишина.

– Я хочу лично отблагодарить своих спасителей, – сказала она тихим, еще слабым голосом и кивнула кому-то из слуг.

Тут же двое дюжих гвардейцев в синих с золотом мундирах внесли на вытянутых руках увесистые ларцы, из-под открытых крышек которых сверкали драгоценные камни, струились длинными нитями жемчуга, тускло мерцало в свете свечей золото и серебро. Гвардейцы остановились в шаге от чужестранцев и синхронно развернулись к ним лицом.

– Прошу принять в знак моей благодарности эти скром-

ные дары! – произнесла королева, благосклонно кивнув волхвам.

Но, к удивлению присутствующих, волхвы не спешили принять подарки, а стали о чем-то перешептываться друг с другом. Король с королевой ничего не понимали и тоже обменивались взглядами. Наконец один из чужестранцев, кажется Творимир, с поклоном обратился к правителям:

– Ваши Величества, мы с братом искренне благодарны вам за столь щедрые дары, но покорно просим вас вместо золота и драгоценных камней в награду о маленькой услуге.

– Услуге? – удивился король, и брови его поднялись на лоб. – Какой именно услуге?

Оба брата-волхва подошли ближе к трону и тихо что-то стали говорить королю и королеве. А придворные, чьих ушей не достигали их слова, с изумлением наблюдали, как выражение удивления на лицах государей сменилось растерянностью и даже разочарованием.

– Ну что ж, господа врачеватели, ваша воля, если именно этого вы хотите в качестве вознаграждения... – произнесла королева и поманила слугу.

Слуга, склонившись в три погибели, выслушал указание и быстро удалился выполнять волю монархов. А заинтригованные и удивленные придворные остались ждать, когда все прояснится само собой.

Мэй отказывалась от еды уже три дня. И это стало тре-

вожить господина Беренгара. Вот ведь упертая девчонка! Не хватало, что бы она сама заболела и слегла. Но идти на уступки он не собирался.

Старый лекарь ходил из угла в угол по своему роскошно-му кабинету, заложив руки за спину и обдумывая сложившееся положение, когда из прихожей донесся звонок колокольчика, а спустя минуту раздался голос служанки:

– Господин Беренгар, господин Беренгар, вас во дворец вызывают!

Лекарь бросился бежать вниз по лестнице с громко бьющимся сердцем. Его вызывают во дворец? Неужели король? О нем не забыли? В нем нуждаются?..

У входной двери стоял высоченный гвардеец в синем мундире с каменным лицом.

– Господин Беренгар, вам велено тотчас явиться к Его Величеству в сопровождении своей помощницы.

– Что?.. Да. Да, да. Уже бегу. Мэй! Мэй, быстро собирайся, нас вызывают к самому королю!

Спеша по улице следом за королевским гвардейцем, господин Беренгар недовольно посматривал на молчаливую бледную помощницу. Ни тебе радости на лице, ни благодарности... Ну что за упрямая девица! Всыпать бы ей как следует, чтобы знала свое место и умела быть благодарной!

К удивлению лекаря, сопровождающий провел их не в королевские покои, а прямо в тронный зал! Оказавшись в толпе разодетых придворных, Беренгар почувствовал се-

бя неловко в скромном каждодневном платье. А сверкание свечей и роскошное убранство парадного зала произвели на него угнетающее впечатление. Он почувствовал себя маленькой, ничего не значащей букашкой.

Суровый гвардеец бесцеремонно подтолкнул их к ногам повелителей, и лекарь со своей помощницей преклонили колени в почтительном поклоне.

– Это именно та особа, о которой вы говорили? – задала вопрос королева, с интересом рассматривая Мэй. Но не Беренгару, а двум чужестранцам в белых одеждах, что стояли прямо возле трона.

– Да, государыня, это она, – кивнул один из светловолосых волхвов. – Она наша соотечественница, и мы просим вашего высочайшего соизволения забрать ее с собой в Страну Озер.

– Вместо золота и драгоценных камней вы хотите получить в награду эту девушку, почти девочку?

– Именно так, Ваше Величество! – ответил второй из двух братьев.

– Но зачем она вам?

– Здесь у нее никого нет, она совершенно одинокая сирота. А там, на родине, ждет ее семья. И мы рады будем доставить ее домой.

– Ну что ж... Забирайте ее с собой, господа врачеватели. – Король щедрым жестом указал волхвам на замершую от неожиданности девушку. Та боялась не то что голос подать, боялась поднять глаза на августейших супругов. И ни-

как не могла поверить в свое счастье.

А несчастный Беренгар, бледный, растерянный, переводил глаза с волхвов на королевскую чету и обратно. «Все кончено!» – пронеслось у него в голове. Возразить королю он не мог, не посмел бы, вырвать девчонку из крепких рук чужестранцев тоже вряд ли удастся. Да и тот самый гвардеец с каменным лицом стоял совсем близко. Так что оставалось только смириться со своей незавидной участью.

Из-за несправедливости происходящего к глазам старого лекаря подступили слезы. Вся его налаженная жизнь рушилась. Все, с таким трудом установленные, связи рвались, как нити паутины под порывом ветра. Еще месяц, пара месяцев – и широкий поток золота в его карман станет редеть, усыхать, пока не иссякнет совсем. И ему придется распрощаться с той жизнью, к которой он уже привык. Принес же черт этих волхвов в королевство!..

Растерянная и совершенно счастливая Мэй в окружении своих близких родственников вежливо и благодарно поклонилась королю и королеве и покинула тронный зал, даже не взглянув в сторону своего бывшего хозяина. «Этого не может быть!» – стучало в ее голове, пока они поднимались в покои, предоставленные королем заморским врачевателям, за вещами двух братьев. «Это же просто невозможно!» – радостно повторяла она про себя, пока карета, дребезжа и подпрыгивая по булыжникам мостовой, везла их в гавань, где покачивался на легких волнах ожидающий их ко-

рабль. «Неужели я свободна?!» – кричало ее сердце, когда корабль отчалил от пристани и она с палубы смотрела, как широкое белое полотнище паруса наполняется ветром.

Свежий ветер нес легкий корабль по темным волнам, устремившись туда, куда вела его серебристая лунная дорожка. Мэй стояла на палубе, вцепившись руками в борт корабля и не чувствуя ночной сырости и прохлады. В глубине ее души жарким огнем, согревающим ее, горела надежда на встречу с родной семьей.

– Ты простудишься, моя маленькая племянница, – прозвучал за спиной голос дяди Братонегга, и добрая рука укрыла ее плечи легким и теплым плащом.

– Я не чувствую холода, дядя! – воскликнула Мэй. – Я так счастлива, что кажется, будь у меня крылья, сама бы полетела быстрее корабля домой.

– Ничего, дитя мое, всего пара недель в пути, и ты окажешься в любящих объятиях родных. Потерпи немного.

– Дядя, расскажи мне о моей семье. Кто моя бабушка? А как зовут моих братьев? А кроме отца, бабушки и братьев, кто еще есть в нашей семье?.. – тысяча вопросов теснилась в груди девушки.

– Отец твой Благодар, царь и правитель Страны Озер. Бабушка Добродея старшая предсказательница и глава всей нашей большой семьи. Братья Добровит и Доброслав наследники твоего отца, царевичи, но в общем обычные молодые парни, которые больше о девушках думают, чем об уче-

бе и тем более об управлении государством. Есть у тебя еще две тети, Сбыслава и Милята, наши с Творимиром родные сестры. А уж от одного перечисления двоюродных и троюродных братьев и сестер язык устанет! И каждый во всем нашем обширном, многочисленном роду наделен Даром волхвов, Даром ясновидения и целительства. Приедешь, и со всем сама познакомишься. – Братонег с умилением смотрел на юную племянницу и улыбался ее любопытству и нетерпению. Как же она все-таки похожа на Усладу, свою мать. От мыслей о погибшей сестре в сердце рождалась печаль.

– Дядя, вот все удивятся, когда меня увидят! Ведь они же даже не предполагают, что я живу на свете, – воскликнула Мэй, посмотрев на дядю.

– Да все они уже давно знают, душа моя.

– Откуда? – девушка удивленно округлила зеленые глаза.

– Я же говорю, бабушка твоя главная предсказательница.

Есть у нее волшебная книга, в которой расписано все будущее и все прошлое. Заглянула она в эту книгу и увидела там тебя. И сейчас, думаю, все готовятся к твоему приезду и радуются.

– Вот бы увидеть их поскорее! – мечтательно протянула Мэй, подставляя разгоряченное переживаниями лицо морскому ветру.

– Да запросто! Иди-ка ты, голубушка, в свою каюту и ложись спать. А во сне увидишь всю свою родню.

Девушка недоверчиво покосилась на волхва.

– Ты шутишь?

– Какие уж тут шутки? С нами, волхвами, шутить опасно.

Мы не шутим, мы исполняем мечты. И тебе придется к этому привыкнуть.

Настойчиво подталкивая племянницу с палубы, чтобы поскорее уложить спать, Братонег продолжал рассказывать сказки и небылицы, с улыбкой наблюдая, как горят любопытством глаза девушки.

– У тебя, душа моя, еще целая жизнь впереди в родной стране среди родных и близких, – сказал он, открывая дверь каюты, в которой Мэй предстояло прожить еще две недели долгого плавания.

А корабль летел, торопясь, по волнам, разрезая узким носом водную гладь, подгоняемый к родным берегам теплым ветром, весело и упруго наполняющим белый, сверкающий в лунном свете парус. Он летел туда, где в Великое море впадает большая, полноводная Голубая река, по которой проляжет их путь в край озер и лесов, болот и лесных рек. В край, где ждут не дождутся маленькую Мэй родные люди.

Часть 2. Берни

Глава первая, в которой маленький Берни встречается с отцом

Теплый осенний день скатился рыжим солнечным диском со склона горы и задержался на подворье старого Эгиля. Ветра не было, и поздние желтокрылые бабочки собирали последний нектар на увядающих соцветиях медвянки. Листья на деревьях и трава уже утрачивали летнюю изумрудную зелень, сдаваясь во власть желтого и оранжевого.

Аста с умилением наблюдала за игрой четырехлетнего сына. Мальчик, смеясь во все горло, носился за щенком Ульви по двору, а тот, высунув от возбуждения язык и радостно виляя хвостом, уворачивался от маленьких, неловких рук Берни. Щенок явно понимал смысл игры и получал от нее не меньшее удовольствие, чем его маленький хозяин. На синеглазом личике малыша ярким румянцем горели круглые щечки, от беготни растрепались и торчали в разные стороны темно-русые вихры. Не зря, ох, не зря приклеилось к ее сыну прозвище Берни – медвежонок. Этот добродушный, немного неуклюжий увалень действительно напоминал медвежонка. «Вот вырастет, – с любовью и нежностью думала Аста, –

и станет большим и сильным, как медведь – хозяин горных лесов».

Берни на бегу зацепился ногой за какую-то палку и с размаху полетел на землю, беспомощно всплеснув руками. Мать тут же бросилась к нему и подняла, бережно отряхнув одежду.

– Торбьёрн, мальчик мой, не ушибся? – Она поцеловала его и прижала к своей груди, утешая и забирая всю боль себе.

Большие синие глаза наполнились слезами, но ни одна слезинка не пролилась на румяные щеки. Потому что когда рядом была мама, ласковая, добрая, любимая, родная мама, боль быстро исчезала, пугаясь материнской любви. И спустя минуту малыш уже снова рвался поиграть, побегать со своим четвероногим другом, забыв про неудачное падение.

Так бы и сидела Аста, сложив руки на коленях, пригревшись на солнышке и наблюдая за игрой сына, но в ворота, тяжело припадая на больную ногу, ввалился старый Эгиль, отец Асты. Длинные седые волосы развевались вокруг испещренного сетью глубоких морщин лица, а светлые голубые глаза тревожно мерцали.

– Аста, Аста! – закричал он, задыхаясь от непривычного для старика быстрого шага. – Я видел на склоне горы черных всадников! Они скачут в нашу сторону.

Сердце в груди Асты громко бухнулось о ребра и затрепетало, как крылья испуганной птицы. Она вскочила, подбежала к сыну и подхватила его на руки. Мальчик вырывался

и брыкался, как норовистый жеребенок, не желая прерывать игру. Ульви задрал голову и растерянно уставился на хозяйна, который вдруг взмыл высоко в небо и оказался на руках большой хозяйки. Почему больше не играем? Разве уже пора обедать?..

Женщина бросилась к дверям большого бревенчатого дома, надеясь укрыться от беды за его прочными стенами. А в том, что скачущие черные всадники несли за собой беду, она не сомневалась. Она усадила сына на кровать и, сунув ему игрушки, бросилась к окну. В распахнутые настежь ворота уже въезжали раскрасневшиеся, возбужденные от быстрой скачки, всадники в черных одеждах. И впереди всех – Тормунд – Черный Князь.

Окинув холодными, и такими же синими, как у Берни, глазами двор, Тормунд спешил и, не глядя, бросил поводья в руки старика Эгиля, точно тот был слугой, а не хозяином богатой усадьбы. Впрочем, для князя Горной Страны все ее жители, богатые и бедные, знатные и никому не известные, были слугами. Эгиль покорно склонился перед господином.

– Где Аста? – бросил Тормунд, внимательно и немного презрительно осматривая хозяйственный двор с конюшней и коровником, крепкий, ухоженный дом, привязанных к изгороди рабочих лошадей, снующих под ногами откормленных кур и гусей, влившуюся на солнышке на веревке рыбу. Он по достоинству оценил хозяйство Эгиля. Видать, тот ока-

зался не только славным воином, каким он был во времена отца Тормунда, но и неплохо управлялся с большим хозяйством, оправившись после тяжелого ранения в ногу. – Где моя жена, старик?

Повторил свой вопрос князь, не дождавшись ответа. Эгиль молча кивнул в сторону дома, хотя сердце его тревожно сжималось от страха за дочь и внука. Из всех дверей и окон дома робко выглядывала челядь. Но что толку молчать, если вокруг дюжина вооруженных до зубов головорезов князя, готовых по первому же сигналу хозяина выхватить из ножен мечи и изрубить на куски всех и вся.

Откинув с плеча черный, шитый серебром плащ, Тормунд направился к дому. В сенях из-под ног его прыснули в испуге слуги и собаки. Князь молча усмехнулся: его боялись не только люди, но и животные! В теплом сумраке внутренних помещений он видел прячущихся по углам людей, но Асты среди них не было. Это начинало раздражать.

– Аста! – крикнул он вглубь комнат так, что на кухне зазвенела посуда. Ну сколько можно прятаться?

Войдя в самую дальнюю от входа спальню, Тормунд наконец увидел бледную от страха жену. Женщина жалась к стене, закрывая собой ребенка.

– Ну-ка, покажи мне его! – приказал князь, резким движением оттолкнув женщину в сторону. Она чуть не упала. – Как ты вырос, сынок, за этот год!

Огромный черный человек склонился над Берни, свер-

кая белыми зубами в улыбке, отчего-то напоминающей волчий оскал. Его руки в черных кожаных перчатках потянулись к мальчику и схватили его жестко, словно были железными. Берни стало очень страшно, так страшно, что захотелось плакать и спрятаться от этого чужого человека за маминой юбкой. Он потянулся ручонками к матери и жалобно всхлипнул. Черный человек оторвал его от пола и поднял в вытянутых руках, рассматривая как забавную игрушку.

– Похож, похож, поганец! В нашу породу пошел! А ну, пойдем, покажу тебя нашим воякам. Вот вырастешь, будешь сам ими командовать.

И, словно не замечая цепляющуюся за него испуганную женщину, пошел с хнычущим ребенком в руках к выходу. Солнце ударило в глаза Берни, как только вышли на крыльцо. И он зажмурился, чувствуя, как по щекам стекают горячие слезы. Увидев своего господина с сынишкой на руках, дюжина головорезов радостно заорала, одобрительно кивая и воздевая к небу пудовые кулачищи с зажатыми в них страшными, вспыхивающими молниями в солнечном свете, мечами.

– Да здравствует Торбьёрн – наследник князя!

– Да здравствует князь! – прокатился многоголосый возглас по двору дома Эгиля.

От этого крика, от прикосновения железных пальцев черного человека, от того, что он висел в этих руках где-то между небом и землей, а мамы рядом не было, маленький Берни

еще раз всхлипнул и заревел в голос. Отец удивленно уставился на него.

– Ты чего реवेशь, герой? Разве ты не знаешь, что мужчины не плачут? – И улыбка-оскал стерлась с жесткого, словно выточенного из камня лица с синими, пронзительными глазами.

– Мама-а-а! – кричал мальчишка, пытаясь вывернуться из жестких, сильных рук в черных перчатках.

– Отпусти его, Тормунд! – крикнула Аста, хватаясь за сына, стараясь вырвать его из рук отца.

Тормунд недовольно нахмурился, но ребенка отпустил. Голоса его свиты стихли в ожидании развития событий.

– Эй, Эгиль, старый вояка, что ж ты не приглашаешь гостей к столу? – Князь повернулся к хозяину дома. – Мы устали с дороги, проголодались. Давай, давай, скликай прислугу, пока я не рассердился!

Эгиль и его слуги забежали, засуетились, готовя стол для гостей. Эгиль, припадая на больную ногу, отправился в погреб за брагой, прикидывая в уме, что останется от припасов после этого набега? Ну да ладно! Лишь бы эти головорезы не напились до скотского состояния.

Но, видимо, князь и не собирался задерживаться в гостеприимном доме Эгиля, потому что попойки не получилось. Воины князя расселись за столом и с жадностью накиннулись на угощение, но кружки с брагой отставили в сторону. Тормунд усадил Асту рядом с собой и велел взять сына на ру-

ки. Мальчик с опаской поглядывал на страшного человека, который называл себя его отцом. Он видел, как тот белыми крепкими зубами отрывает куски мяса от окорока, а самому казалось, что это волк, страшный лесной охотник, разрывает мощными клыками плоть убитой жертвы. Отец смеялся, что-то рассказывал своим воинам, бросая косые взгляды синих пронзительных глаз на маму. А та сидела ни жива ни мертва и молча прижимала к себе сына.

– А ты чего не ешь? – спросил отец у Берни и протянул к нему руку с куском мяса, с которого стекал и капал на стол янтарный жир.

Мальчик испуганно отшатнулся и, обняв мать за шею, спрятал лицо в ее пышных светлых волосах.

– Ну-у-у, так не пойдет! – произнес Тормунд и бросил кусок мяса обратно на блюдо. – Заберу-ка я сына к себе, Аста. А то ты плохо его воспитываешь. Капризный, избалованный растет.

– Нет, нет, я его не отдам! – замотала головой мать, еще сильнее прижимая сына к груди, точно хотела растворить его в себе, чтобы уж точно никто не мог его отобрать.

– А разве кто-то ждет твоего согласия? – усмехнулся Тормунд. – Ты мне хоть и законная жена, но знаешь, что мне от тебя был нужен только сын, наследник. А сама ты мне ни к чему. Так что молчи, женщина, и делай то, что тебе велят. Собирай его вещи!

– Тормунд, не забирай его, он еще маленький, прошу те-

бя! – жалобно запричитала мать дрожащим от слез голосом.

– Мужчину надо воспитывать с пеленок! А ты из него растишь слабака и неженку. Властителем Горной Страны должен быть сильный и бесстрашный воин, а не маменькин сынок.

– Но ему еще нет даже пяти! – в отчаянии воскликнула мать.

– Ему уже почти пять, Аста! Надо было забрать его еще год назад, ну да ладно, наверстаем пробелы в воспитании.

– Прошу тебя, Тормунд, не забирай его! – она смотрела на него умоляющими, полными слез глазами.

Тормунд поморщился. Она всегда была слишком мягкой, слишком слабой, плаксивой, а он этого не любил. Разве может такая женщина воспитать настоящего воина? Нет. Пора брать воспитание сына в свои руки.

Он отодвинул стул и встал из-за стола. Вся княжеская свита, дожевывая на ходу угощение, вытирая рукавами мокрые усы, стряхивая с бород крошки пищи, повскакивала со своих мест следом за господином. Тормунд выхватил Берни из рук матери и прикрикнул на нее:

– Хватит выть! Быстро собирай его вещи!

Берни не понимал, куда его несет по двору на руках черный страшный человек? И почему следом, цепляясь за его плащ, плача и причитая, бежит мама? И от ее растрепавшихся на ветру волос, от отчаянных слез мальчику стало так

страшно, что он закричал и стал вырываться, извиваясь всем телом и молотя ногами. Но руки в черных перчатках сжимали его как тиски так, что было трудно дышать.

– Фрейвар, возьми мальчишку! – крикнул князь одному из своих головорезов. Тот, уже сидя верхом на мощном мохноногом жеребце, согласно кивнул кудлатой головой.

Ульви, видя, как уносят его маленького хозяина, как рыдает и тянет за ним слабые руки большая хозяйка, понял, что происходит что-то ужасное и несправедливое, и бросился с громким лаем на чужака, от которого исходил острый запах опасности и беды. Тормунд, скосив глаза на маленького защитника дома, походя отпихнул его ногой. А тот подлетел в воздухе от пинка и с размаха ударился о стену конюшни со странным сухим звуком, будто что-то треснуло или лопнуло... Секунду спустя маленькое тело щенка медленно сползло по стене и распласталось безвольно на земле, напоминая снятую шкурку лесной зверушки. И только быстро стекленеющие глаза не мигая смотрели, как черный человек передает маленького хозяина в руки бородатого воина, усаживая его перед седлом, как падает на колени и бьется в истерике большая хозяйка, а черный чужак, не обращая на нее никакого внимания, вскакивает в седло.

– Будь ты проклят, Тормунд! У тебя нет сердца! – кричала вслед скрывающимся за воротами всадникам Аста.

– Мама! Мама! – еще долго неся отчаянный детский крик над тихой долиной, поднимая с насиженных мест

встревоженные стаи птиц, будя долгое горное эхо.

Глава вторая, в которой появляется одноглазый Атли

Всю дорогу Берни сидел верхом на лошади того бородатого великана, что звался Фрейвар. Обессилев от слез и крика, на которые никто из всадников не обращал внимания, будто они были глухими, мальчик притих, привалившись к твердой, как железо, груди воина и вдыхая запах дубленой кожи и пота.

– Ничего, княжич, – прошептал ему на ухо Фрейвар, – пообвыкнешься, осмотришься на новом месте – и тебе понравится. Ты ж мужик! Пора привыкать к жизни настоящего мужчины и воина. А всякие мамки-няньки... Ну их!

Берни трясло и подкидывало при каждом шаге лошади, но усталость и сильные переживания сделали свое дело, мальчик незаметно уснул. Он бы свалился с лошади, если бы не руки Фрейвара, державшие поводья.

Проснулся он, когда подъезжали к княжескому замку. Закатное солнце огненными языками вылизывало небо. Дорога вела к подножию горы. Берни вырос в долине, окруженной со всех сторон горами, но таких гор он еще не видел. На фоне полыхающего огнем неба огромный черный пик тянулся в высь, а на почти отвесной стене слева проступали контуры замка Арнгрей, такого же черного, как и сама гора. Кажалось, замок вырастает из мрачных глубин горы, как почка

из ствола дерева. Мощная зубчатая стена огораживала высокие, островерхие башни, так же упрямо, как и материнская твердыня, стремящиеся ввысь.

Его новое жилище было совсем не похоже на родной, любимый дом деда, с его теплыми, пропитанными солнцем бревенчатыми стенами, с уютным запахом сухого дерева и только что испеченного хлеба. Всадники друг за другом въехали в кованые ворота, и те, что-то ворчливо проскрежетав железными цепями, наглухо закрылись за их спинами. Копыта лошадей звонко цокали по булыжникам. Дворы, дороги, дома, башни в замке – все было из блестящего черного камня. И над всем этим заунывно пел свою песню холодный северный ветер. Берни понял, что попал в царство мрака.

Всадники остановились в большом квадратном дворе, со всех сторон окруженном черными стенами, и спешили. С высокого крыльца большого мрачного дома высыпали слуги встречать хозяина. Берни подхватили на руки и стали передавать от одного слуги другому, пока он не оказался внутри дома.

– Позови Атли! – крикнул Тормунд, снимая перчатки и бросая их слугам. Он двигался стремительно и быстро, точно не было долгой, утомительной дороги, точно усталость не давила на плечи поверх черного, шитого серебром плаща.

Когда появился Атли, мальчик вздрогнул от ужаса. Старик был огромного роста, сед и одноглаз, как верховный бог, а вместо кисти правой руки у него торчала культя, обмотан-

ная белой тряпицей.

– Атли, вот мой сын, – сказал Тормунд, вместо приветствия похлопав старика по плечу. – Поручаю тебе заботу о нем. Будешь ему вместо матери и деда, вместо няnek и мамок. Подготовь его к школе воинов.

– Ясно, князь, – кивнул старик, сверкнув голубым, как осколок льда, одиноким глазом. – Это для меня честь! Значит, еще нужен старый Атли своему господину?

– Нужен, нужен, дружище! – Князь тепло улыбнулся, взглянув на прочерченное глубокими морщинами лицо калеки. – Кто, как не старый вояка Атли, обучит уму-разуму молодежь? Не подведи меня, старик. Мне нужен достойный наследник.

Повернулся и ушел, ни слова не сказав сыну, махнув черным крылом плаща. А одорукий старик уставился своим глазом на Берни.

– Ну, давай знакомиться, княжич! – и улыбнулся... Во рту у него не хватало нескольких передних зубов. А потом протянул левую руку и неловко погладил мальчика по голове. Берни притих, с любопытством и страхом рассматривая ужасного старика.

Атли долго вел новосела по темным крутым лестницам длинными мрачными коридорами мимо высоких, окованных железом дверей и стрельчатых окон, пока они не оказались в комнате, в которой предстояло теперь жить наследнику князя. Комната, как ни странно, оказалась большой

и не такой уж и мрачной. Может, оттого что в углу весело потрескивал горящими поленьями камин, а над кроватью поблескивал шелковыми кистями балдахин, а на полу были расстелены яркие, узорчатые ковры?

Старик позвал слуг, и они быстро принесли мальчику ужин, а потом уложили спать.

– Хочешь, расскажу тебе сказку? – спросил Атли, укрывая мальчика теплым мягким одеялом.

Тот удивленно уставился в его голубой глаз, подумал и кивнул, соглашаясь. Сказку? Кто же откажется от сказки?

И старик тихим голосом стал рассказывать историю про маленького мальчика, волею судьбы оторванного от родного дома, от своих близких. Все было в этой сказке: и безысходная тоска по родному дому, и одиночество, и злые, коварные волшебники, и хитрые бандиты, и приключения, и битвы, поражения и победы. Но в конце концов главный герой обрел верных друзей и добрый дом. И вырос большим и сильным, став князем и предводителем непобедимых воинов.

– А маму он потом увидел? – спросил мальчик, когда сказка кончилась.

Старик посмотрел на него одиноким голубым глазом и сочувственно вздохнул.

– Увидел, конечно, увидел, княжич. Но сначала он стал сильным и смелым воином.

Берни повернулся на бок, подложив под щеку сложенные ладошки, и, уже засыпая, подумал, что тоже обязательно ста-

нет сильным и смелым воином, чтобы увидеть маму. Эта мысль помогла ему смириться со случившимся.

Глава третья, в которой в жизни Берни появляется соперник

Прошло несколько месяцев. Зима укрыла белым покрывалом горные долины, а замок Арнгрей, обдуваемый всеми ветрами, оставался черным на черном теле горы. Берни постепенно привык к новой жизни, в которой каждый его шаг сопровождал старый одноглазый Атли. Он познакомил наследника с замком, рассказав, что Арнгрей начал строить еще дед Торбьёрна, а отец продолжил. Что эта цитадель неприступна для любых врагов. Что именно здесь воспитываются лучшие воины Горной Страны, самые смелые и непобедимые в мире. И княжич, если будет слушать своих наставников и упорно тренироваться, тоже станет таким воином.

В те дни, когда над башнями замка свирепствовали ураганные ветра, выстуживая жизнь из больших и маленьких дворов и двориков, сгоняя стражников в укрытия с высоких зубчатых стен, Берни учили грамоте. Ему легко давались буквы, быстро складывающиеся в слова. А вот игры с маленькими, специально изготовленными для него деревянным мечом и копьем огорчали не только самого княжича, но и его наставника. В его крупном, похожем на медвежонка теле не было ни ловкости, ни гибкости, ни силы. Меч то и дело выпадал из руки, копьё летело не в ту сторону, со свистом пролетая мимо мишени. Он часто падал и уши-

бался. А вечерами старый Атли втирал в полученные мальчишкой за день ссадины и синяки пахучую волшебную мазь, от которой к утру синяки исчезали.

Отца Берни видел очень редко. Тот занимался достраиванием замка, его обустройством или отправлялся в поход со своими воинами. Возвращались из похода обычно с богатой добычей, устраивали веселые пиршества и всякие забавы, в которых детям участвовать не полагалось. Вот тогда приходил отец и дарил сыну какую-нибудь необычную игрушку, трепал мальчика по вихрастой голове и уходил. А Берни с любопытством и интересом изучал подарок.

Однажды отец привел к нему в комнату мальчишку, чуть меньше Берни ростом и, вероятно, возрастом. Незнакомый мальчик смотрел на княжича темными, злыми, чуть раскосыми глазами из-под нахмуренных бровей очень недружелюбно и молчал.

– Вот, Торбьёрн, я привел твоего сводного брата, Стейнара. Он будет жить в замке вместе с тобой. Будете вместе учиться и тренироваться под наблюдением Атли.

Он сделал паузу и, хитро улыбнувшись, добавил:

– Вот думаю, кого из вас сделать наследником? А? Кто из вас хочет стать властителем Горной Страны?

Стейнар поднял голову на отца, сверкнув холодным взглядом, и уверенно произнес:

– Я буду властителем Горной Страны!

Берни подивился такой наглости чужака. Сам он робел

перед строгим отцом, побаивался не только разговаривать с ним, но даже смотреть в его синие, пронзительные глаза. А этот... Отец удовлетворенно рассмеялся, блеснув белыми зубами.

– Посмотрим, посмотрим. Ты, Стейнар, сын моей наложницы, то есть не можешь считаться прямым наследником, как Торбьёрн. Но я же князь! В моих силах изменить право наследования. Вот я и посмотрю, кто из вас вырастет самым смелым и сильным, на кого можно будет переложить бремя власти!

Он оставил недовольно нахмурившегося мальчишку в комнате Берни и ушел, посмеиваясь себе под нос и о чем-то размышляя. Так в жизни Торбьёрна появился брат – соперник.

Вскоре два сводных брата привязались друг к другу, хотя общего между ними было очень мало. Торбьёрну легко давалось обучение грамоте и счету, а Стейнар с трудом осваивал азы науки. Ему было трудно сосредоточиться на задании, маленькие пальцы не слушались, и вместо букв на листе бумаги получались уродливые каракули. Стейнар злился, отчего письмо давалось еще сложнее. Зато в спортивных играх он не то что не уступал старшему брату, а демонстрировал явные успехи, в отличие от Берни. Стейнар обладал от природы кошачьей гибкостью, быстротой и верткостью ящерицы. Торбьёрн был неповоротливым, но более сильным. Это

несходство подталкивало к соперничеству, заставляло обоих стараться там, где было всего сложнее. Так и росли, часто ссорились, а порой и дрались из-за всяких пустяков. Но вмешивался старый Атли, рыкнув на расшалившихся мальцов или раздав тому и другому по подзатыльнику, и через пять минут братья как ни в чем ни бывало мирно играли в другую игру.

Торбьёрну исполнилось десять лет, когда отец впервые взял их на охоту. Фрейвар, близкий друг и соратник отца, опекал юных наследников. Его мощный рыжий жеребец шагал рядом, а Фрейвар, бородатый великан, то и дело посматривал, крепко ли держатся в седле мальчишки? Их невысокие смиренные лошадки, специально подобранные для обучения верховой езде, неторопливо рысили друг за другом.

Утреннее солнце пронизывало яркими желтыми полосами тихий зимний лес, отчего мягкие снежные шапки на еловых лапах то и дело вспыхивали разноцветными искрами, словно там были рассыпаны драгоценные камни. Лес дремал в утреннем покое, с удивлением разглядывая группу всадников, вспарывающих копытами коней девственную чистоту снежного покрывала.

Берни полной грудью вдыхал вкусный морозный воздух, пропитанный запахом хвои. В безветрии лесные великаны – ели – тянули свои мохнатые руки к головам мальчишек, а то и гладили их по лисьим меховым шапкам, стряхивая на них искристые, легкие, как пух, сугробы снега. Изредка в кро-

нах деревьев что-то шуршало, щелкало, заставляя ветки качаться и осыпая снег. Белка или куница? Пытался угадать Берни, силясь рассмотреть скрытного лесного жителя, но напрасно. Дважды большая птица пролетела над ними, медленно взмахивая темными широкими крыльями.

Мальчик опустил взгляд на притороченные к седлу укороченное копьё и метательный топорик. Он не был уверен, что справится и метко пустит оружие, если вдруг на него выйдет зверь. А вдруг промахнется? Он не всякий раз попадал в мишень на тренировках, в отличие от Стейнара. Тот был метким и ловким. «Если промахнусь, – думал про себя Торбьёрн, – братец засмеет и всем растреплет в замке, язык-то у него длинный и острый...»

Вдруг всадники остановились на опушке леса. Отец поднял вверх руку в черной меховой перчатке. С другой стороны опушки кто-то из загонщиков подавал сигнал. Охотники начали растягиваться в линию. Фрейвар махнул мальчишкам, веля следовать за ним. Двигались молча, стараясь не поднимать напрасно шум, не спугнуть зверя. Колючая еловая лапа больно царапнула, махнув по лицу Берни, отчего он на мгновение зажмурился. А когда открыл глаза, то притихший в ожидании лес ожил в одно мгновенье. Пронзительный, звенящий на высокой ноте, свист повис в недвижимом воздухе. А потом хлынула лавина звуков: крики, брань охотников, ржание лошадей, звон металла, встревоженные голоса птиц, спугнутых незваными гостями леса. Торбьёрн при-

гнулся к шее коня и понесся следом за Фрейваром.

Азарт погони захватил его сразу, сдавив горло, не пуская наружу дикий ликующий крик. Впереди, в нескольких шагах, размытая поднятой с земли снежной пеленой, неслась мощная темная фигура Фрейвара. Больше ничего Торбьёрн не видел. Ветви деревьев норовили выцарапать глаза, целые охапки снега летели в лицо острыми, колкими иглами, ветер свистел в ушах. Фрейвар повернул коня и понесся вправо. И тут Берни увидел зверя.

На белом снегу далеко был виден огромный вепрь, темным вытянутым пятном несущийся прямо на него, Берни. Мальчик втянул с шумом носом воздух и выхватил свое копьё. Огромный кабан приближался, подгоняемый криками загонщиков. Вот уже стали видны его изогнутые страшные клыки, вставшая дыбом щетина на холке, злые, отчаянные, маленькие угольки глаз.

Смирная лошадка Берни, охваченная азартом охоты не меньше своего хозяина, неслась вперед, взрывая копытами снег, хрипя и выгибая дугой шею. Вепрь приближался. С разных сторон в него полетели копыта охотников. Торбьёрн прицелился, размахнулся и со всей силой метнул копьё. Орудия смерти настигли зверя почти одновременно в прыжке. Он дернулся, взревел и рухнул на бок, продолжая перебирать ногами, будто еще бежал, спасаясь от своих убийц.

«Неужели промахнулся?» – думал Берни, натягивая поводья, притормаживая лошадь, чтобы не перемахнуть через

убитого зверя. Охотники, пересыпая радостные крики крепкими словечками, спешили вокруг добычи. Торбьёрн остановился за их спинами. Вепрь лежал на боку, из шеи, живота, груди торчали копыя, безжалостно впившиеся в намокшую от крови шерсть. Глаза зверя были открыты и, как показалось Берни, с отчаянием и ненавистью смотрели на людей. Но взгляд их быстро тускнел, стекленел, угасал. Жизнь быстро уходила из него вместе с кровью, вытекавшей из многочисленных ран и окрашивающей снег в невозможно яркий, полыхающий огнем, красный цвет, от которого хотелось зажмуриться или отвернуться.

Никто из охотников не подходил к добыче, пока не спешил сам князь. Тормунд склонился над вепрем, внимательно рассматривая раны. Резким движением он вырвал одно из копий, потом второе и, выпрямившись, поднял копыя над головой. Это были укороченные облегченные копыя мальчишек.

– Чье копые? – громко крикнул князь, обводя торжествующим взглядом своих воинов. – Кто же убил зверя?

– Я! Это мое копые! – звонкий мальчишеский крик пронесся сквозь гул голосов. Стейнар соскользнул с коня и, чуть не падая в глубоком для мальчишки снегу, побежал к отцу.

Глаза Тормунда сверкали от гордости. Он не сдерживал улыбку.

– Это мое копые! – снова выкрикнул Стейнар, подбежав к князю.

– Молодец, сын, попал в живот кабану. Иди сюда, Тор-
бьёрн! – позвал он второго сына. – А это копые твое?

Второе короткое копые принадлежало Берни. Он спешил-
ся и, отчего-то робея, пошел к отцу.

– Ты попал в шею. Похоже, смертельный удар! – отец про-
тянул сыновьям окровавленные орудия убийства.

– Нет, это я попал в шею, а он – в живот! – Стейнару
до боли хотелось быть тем, чей удар убил зверя, а не ранил.
И он готов был вступить в драку, если бы кто-то стал спорить
с ним. С вызовом и неприязнью он смотрел на брата.

– Копья-то одинаковые, – пожал плечами Берни, – может,
это мое копые попало в живот.

– Ну что ж, я доволен вами. Для первой охоты совсем
неплохо!

Отец достал охотничий нож с широким и длинным,
немного изогнутым на конце лезвием, и собственноручно
начал свежевать тушу вепря. Нож входил в мертвое тело жад-
но, с хрустом, точно пожирал чужую жизнь, впитывая чужую
силу и мощь. Брызги крови летели вокруг горячими руби-
новыми каплями, и снег под ними испуганно таял, сморщи-
вался, испарялся.

– Отец, а можно мне один клык вепря? – спросил Стейнар,
расширенными от восторга глазами следя за руками отца,
ловко вспарывающими брюхо жертвы.

– Будет тебе клык! – Тормунд вывалил на снег дымящиеся
в морозном воздухе потроха.

Торбьёрн отвернулся. От вида окровавленных кишок его замутило, и он, взяв копье, стал старательно оттирать его снегом от уже подсохшей крови. А перед глазами стояла картина: мощный, прекрасный в своей первозданной силе зверь несется по белому снежному полю, сверкая маленькими, хищными глазками...

Глава четвертая, в которой происходит пробуждение духа настоящего воина

К двенадцати годам Торбьёрн здорово вытянулся и окреп. Однажды отец, осмотрев сына со всех сторон оценивающим взглядом, сказал, удовлетворенно кивнув головой:

– Пора. Готовь его, Атли, к школе воинов. Завтра я устрою смотр.

Что за смотр? Берни, конечно, знал, что такое школа воинов, и всей душой стремился туда попасть, торопя время. Самые сильные и смелые из сыновей княжеских дружинников и из числа родовитых подростков поступали в школу воинов, где обучались искусству рукопашного боя, боя на мечех и ножах, стрельбе из лука и арбалета, постигали науку воевать. Подготовка в школе была столь серьезной, а требования столь высокими, что до конца обучения доходили не все. Многие просто не выдерживали ежедневных многочасовых тренировок, изматывающих тело и душу. Многие из соратников князя мечтали отдать туда своих отпрысков и одновременно боялись. Потому что князь, охочий до жестоких развлечений, иногда устраивал бои среди учеников не до первой крови, а до смерти одного из участников. Но зато выходили из школы лучшие, отборные воины, элита, до послед-

ней капли крови преданная своему князю. Элита, составляющая основу власти в государстве.

В тот день, дело было весной, Атли, ставший уже совсем старым, долго напутствовал своего воспитанника, давая последние наставления. А потом за Берни пришел один из учеников школы, молодой крепко сбитый парень в полном боевом доспехе.

– Пойдем, княжич, – сказал он, – князь уже ждет.

У Берни внезапно похолодело под ложечкой, но он кивнул, обнял старика Атли и последовал за своим провожатым.

Тормунд решил устроить показательные бои во дворе здания, где располагалась школа. В центре двора толстой веревкой ограничили круг, за который не полагалось выходить. Зрители стояли по бокам, а на высоком крыльце установили кресло с резной деревянной спинкой для самого князя. Берни стоял в толпе молодежи, немного робея и то и дело поглядывая в сторону отца. Он пытался понять, как истолковать решение отца отправить его в школу сейчас, не дожидаясь обычных тринадцати лет. Хотя по росту и крепости он не уступал тринадцатилетним новобранцам. Он подумал и решил, что все-таки ему стоит гордиться. Значит, отец видит в нем будущего воина, верит в него. А доверие отца он очень хотел оправдать. Поэтому выпрямил спину и развернул плечи, когда громкий голос назвал его имя, вызывая на бой в центр круга.

Противником его оказался крепкий мускулистый отрок

лет четырнадцати с уверенным и холодным взглядом. Наставник вручил бойцам окованные железом щиты и короткие боевые мечи. Торбьёрн повертел в руке меч, оценивая его тяжесть, и половчее надел щит на левое предплечье. Он был готов показать отцу все, чему он научился за несколько лет у старого вояки Атли. А тот был хорошим учителем.

– Ну что ж, – с хищной улыбкой произнес отец, подняв правую руку, – Сварт, сын моего лучшего друга, покажи этому мальчишке, чему научился в школе воинов. И не смей поддаваться! Если он продемонстрирует слабость и безволие, убей его. Мне не нужен наследник – слабак и неженка! Все меня поняли?! – И обвел страшным, сверкнувшим сталью взглядом присутствующих.

Кто-то молча кивнул, кто-то одобрительно загудел, жадный до кровавых зрелищ, кто-то захлопал в ладоши, радостно принимая условия игры. Сварт поклонился князю и посмотрел на своего противника оценивающе. Он знал, что если будет думать о том, что перед ним сын князя, наследник, то проиграет и вылетит из школы. Что тогда скажет его отец? По головке точно не погладит. Значит, он будет думать, что перед ним враг, смертельно опасный враг. Он сузил глаза и сжал рукоятку меча.

Князь резко опустил руку, подав тем самым сигнал к началу боя. И противники стали медленно двигаться по кругу, примериваясь, оценивая, рассчитывая, как нанести удар половчее. В ту секунду, когда на солнце сверкнул молнией

клинок в руке противника, Берни собрался и выставил щит, встречая удар. Удар оказался неожиданно сильным и откинул его на шаг назад. Он сделал замах и попытался достать противника. Но тот ловко увернулся. Меч Берни просвистел в двух ладонях от плеча Сварта. Тот даже улыбнулся, искривив в насмешке жесткий рот.

Дальше все стало происходить с невероятной скоростью. Сварт опасно приблизился и стал наносить удары, явно намереваясь закончить бой в ближайшие две минуты собственной победой. От первого удара Торбьёрн увернулся, второй угодил в щит, а третий просвистел у самого уха, резанув острой болью по плечу. Меч Сварта легко, как бумагу, рассек плотный кожаный рукав, льняную нижнюю рубаху и обжог правое плечо в самой середине. Рукав стал стремительно намокать, пропитываясь кровью.

Берни в растерянности отступил на шаг, потом еще на шаг, прячась за щитом, пытаясь укрыться от сыплющихся на него безжалостных ударов. Сердце громко стучало в горле, мешая дышать, отдаваясь в висках гулкими ударами. «Он что, с ума сошел? – пронеслась в голове испуганная мысль. – Он же меня убьет!.. Он меня уже убивает... Как беззащитного зайца, способного только убежать, сверкая пятками... Но я же не заяц! Я не заяц, и просто так не дамся. Он меня, конечно, убьет, но я еще заставлю его помучиться!» Волна ярости и возмущения всколыхнулась где-то в глубине груди, вырвавшись звериным рыком. Лицо княжича исказила гри-

маса ненависти, и он сломя голову бросился на противника.

Правая рука перестала чувствовать боль, и меч в ней за-
сверкал, заискрился в лучах солнца, разбрызгивая яркие
солнечные блики вокруг. Глухие удары зазвучали с удвоен-
ной силой. Берни нападал, теснил противника к краю круга,
заставлял защищаться, уворачиваться, отступить.

Сварт в угаре боя оскалил зубы и сделал резкий выпад, це-
лясь острием меча в горло противника. Но Торбьёрн, приняв
мечом лезвие Сварта, сделал неуловимое движение, и меч
в руке того вывернулся и полетел в сторону, звонко ударив-
шись о камни, вылетев за пределы круга. Сварт упал, пыта-
ясь прикрыться щитом от безжалостного клинка озверевше-
го противника. Такого поворота событий он не ожидал и рас-
терялся. А Торбьёрн перехватил рукоятку меча так, чтобы
ловчее было всадить его в лежащего противника. Но тут по-
дал голос князь, и противники замерли.

– Остановите бой! – Он поднялся во весь рост и с доволь-
ной улыбкой стал громко, размеренно хлопать в ладони, вы-
ражая свое удовлетворение зрелищем. Хлопки подхватили
в толпе наблюдающих. И спустя минуту весь двор гудел, ли-
куя и славя юного княжича, сумевшего победить превосхо-
дящего по силе противника.

А Торбьёрн, у которого силой вытащили из руки меч
и отобрали щит, стоял на внезапно ослабевших ногах и ша-
тался, чувствуя, как силы быстро покидают его, как мелко
подрагивают, словно в ознобе, мышцы рук и ног, как желез-

ными зубами вцепляется в раненое плечо боль, как пульсирует кровь в висках, как кружится голова и все плывет вокруг. Он бы упал, если бы Атли, стирая с единственного глаза набежавшую слезу, не подхватил бы его здоровой рукой и не потащил из центра страшного, жестокого круга.

Берни не помнил, как оказался в своей комнате на кровати, укрытый теплым одеялом. Все тело ломило от усталости, в раненом плече пульсировала боль. Атли достал свою чудодейственную мазь и, смазав неглубокую, но болезненную рану, наложил повязку из чистой тряпицы. Как ему удавалось ловко делать это одной рукой, Берни не понимал.

Пришел Стейнар и сел на край кровати возле брата. Глаза его горели восторгом.

– Ну ты даешь, Берни Медвежонок! Ты же неповоротливый, как медведь, а так лихо уделал задаваку Сварта! – воскликнул он, с восхищением рассматривая раненого брата.

– Еще раз назовешь меня медвежонком – убью, – тихо предупредил его Берни.

Стейнар с удивлением посмотрел на него.

– Как чуть не убил Сварта?

– Угу.

– Стейнар, – обратился к младшему брату возившийся с мазями и бинтами Атли, – сегодня наш Берни раз и навсегда стал Торбьёрном. Забудь про медвежонка, дружок!

Глубоким вечером отдыхающего после боя Торбьёрна позвали к отцу, который устроил со своими воинами пир в честь первой победы наследника. Берни нехотя встал с постели. Его одолевала слабость, шатало при каждом шаге. Но разве можно отказать князю?

В большом мрачном зале за длинным столом собрались все друзья и соратники князя. Стол ломился от яств и крепких напитков. В массивных канделябрах потрескивали свечи, бросая тусклый колеблющийся свет на пирующих. Уже находясь в состоянии хорошего подпития, воины громко разговаривали, смеялись, рассказывали сальные шуточки под взрывы громоподобного хохота. Во главе стола восседал отец. Увидев растерянно застывшего в дверях сына, он помахал ему рукой, указывая на место рядом с собой. Торбьёрн прошел вдоль стола под одобрительные взгляды, кивки и похлопывания по плечу бывалых вояк.

– Садись, сын! – приказал отец.

Берни молча сел рядом. Слуги мгновенно поставили перед ним тарелку с угощением. Но есть совсем не хотелось. Хотелось задать отцу один вопрос, мучивший Берни с момента боя. Но решиться задать его он никак не мог.

– Вот теперь я вижу, Торбьёрн, что мужское воспитание дает результат. И неплохой результат. А твоя глупая мать не хотела тебя отпускать. И кем бы ты сейчас был при маминной-то юбке? А? – Синий взор сверкнул холодным блеском, от которого по спине мальчика побежали мурашки.

За долгие годы, что Берни рос в замке Арнгрей, он почти забыл мать. Лицо ее совсем не помнил, только ощущение тепла и нежности от ее рук, прижимающих его, маленького, к своей материнской груди. Но и эти воспоминания он старательно гнал от себя. Потому что они делали его слабым и беззащитным. Но государю Горной Страны не нужен был слабый и беззащитный наследник.

– Отец, а почему вы не стали жить вместе с мамой? – вдруг спросил он и без робости взглянул на отца.

– Она сама ушла от меня, – ответил тот, пожав могучими плечами. – Ей, видите ли, не понравилось, что у меня, князя, помимо законной жены есть множество наложниц, с которыми я люблю проводить свободное время. Но разве кто-то спрашивал ее мнение? Я – князь, я – хозяин, и сам решаю, достаточно ли мне одной жены. Но она осмелилась спорить со мной! Я возмутился и ударил ее пару раз, так, слегка, чтобы показать, где ее место. На следующий же день она забрала тебя, новорожденного, и вернулась в родной дом. Так что это был ее выбор, сынок. Женщины – особый народ, с ними надо уметь обращаться. Я тебя научу, когда подрастешь. А пока самым главным становится умение обращаться с оружием!

Кто-то из пьяных гостей встал из-за стола с кубком в руках и провозгласил очередной тост за князя и его отпрыска. Гул голосов, поддержавших тост, повис в мрачном зале плотной пеленой, сквозь которую уже не слышно было голоса соседа. Когда же все снова принялись за еду, Торбьёрн повернулся

к отцу.

– Скажи, а если бы сегодня Сварт убил меня?

Он пристально взглянул в глаза отца, пытаясь в их глубине найти ответ. Неужели ему не было страшно за жизнь родного сына? Неужели он бы не проронил ни одной слезинки, если бы сын погиб в том бою? Но в синей глубине сверкал горный лед. Отец ответил с беззаботной улыбкой:

– Но ведь не убил! В тебе, Торбьёрн, течет моя кровь. А я бы никогда не сдался без боя и скорее умер, чем проиграл. Так что я был уверен в тебе. Надеюсь, и ты теперь уверен в себе, в собственных силах.

– Не знаю, уверен ли... – Покачал головой Берни. – Мне было очень страшно, отец.

– В первый раз всем страшно. Я сам прошел через это в таком же примерно возрасте. Мой отец, твой дед, был безжалостным и сильным человеком. Но только такой и может стать настоящим князем.

– Ты любил своего отца? – Берни вдруг потянуло в первый раз в жизни на откровения с отцом. В первый раз в жизни он завоевал право говорить с ним на равных, ну, почти на равных.

– Любил, уважал, почитал, учился у него многому. И я надеюсь передать тебе постепенно все знания, полученные от него, и те, что приобрел сам в течение собственной жизни. Честно скажу, сын, я сильно сомневался, что из тебя получится нечто стоящее. Ты был таким неуклюжим увальнем...

Но этот бой показал, что в тебе живет дух воина! Ведь ты победил не силой, ты, конечно, слабее Сварта, и даже не волей. В тот момент, когда ты заглянул в глаза собственной смерти, в тебе проснулся дух настоящего воина! И только тогда ты победил. Теперь важно этот дух вырастить и укрепить. Для этого и существует школа воинов. В школе тебе будет трудно, никто не будет относиться к тебе как к сыну князя и наследнику. Тренироваться будешь на равных с другими мальчишками. Но только так ты сможешь стать для них своим. И когда вы вырастете, они пойдут за тобой насмерть. И служить будут преданно и честно. А ты, будучи князем, будешь ценить их и уважать. Вот так и строится сильная государственная власть, сынок.

Глава пятая, в которой Берни учится в школе воинов, а его отец делится мудростью

Ох, и тяжело давалось Торбьёрну обучение в школе воинов. Два часа тренировок с утра, два – после обеда, плюс верховая езда и теоретические занятия. От физических нагрузок к концу дня тело наливалось свинцовой тяжестью, каждая мышца ныла и молила о пощаде. Ежедневно приобретаемые синяки цвели на руках и ногах яркими диковинными цветами с радужными переливами цвета от фиолетового до светло-желтого. Свежие ссадины быстро покрывались коричневыми сухими корками и жутко зудели, заживая. На ладонях от рукоятки меча образовались твердые выпуклые мозоли. В круговерти похожих один на другой дней Торбьёрн различал только два всепоглощающих чувства, владевших всем его существом: чувство усталости и чувство голода. Постоянно хотелось спать и есть. Вечером будущий воин с трудом доползал до кровати и, рухнув на подушку, тут же засыпал глубоким, без всяких сновидений, сном. Утром он просыпался таким голодным, что готов был съесть быка. Благо кормили их сытно и обильно.

После первого удачного боя Торбьёрн сразу стал своим среди учеников школы, даже старшие отнеслись к нему без

ожидаемых издевок и насмешек. Только Сварт, тяжело переживавший позорное поражение от сопляка, молчал и старался держаться от княжича подальше. А друзья долго и обидно поминали его проигрыш, отчего Сварт раздувал ноздри, покрывался сердитым румянцем и сжимал кулаки. Несколько вспыхнувших на этой почве потасовок были прерваны суровыми наставниками, а задиры потом выясняли отношения в темном и холодном подвале, куда их сажали на несколько часов остыть и успокоиться, заодно лишив ужина.

Несколько месяцев спустя Торбьёрн с удивлением обнаружил, что втянулся в четкий ритм занятий и тренировок, привык к нагрузкам. А в редкие выходные дни, когда никаких тренировок не было, его тело, налившееся упругой силой, даже скучало и требовало привычных нагрузок. Но в такие дни нередко отец звал его к себе, и они много разговаривали, что сын очень ценил. В таких беседах передавалась мудрость поколений от старшего к младшему. Тормунд не гнушался сам, лично, показать хитрый удар или тайный, известный только ему, прием рукопашного боя. А сын жадно учился, мысленно повторяя и повторяя движения, которым его учил отец, впитывая науку, как губка.

Летом всех учеников школы разделили на две группы и одних отправили в горы, а других на побережье Великого моря. Торбьёрн попал в первую партию и две недели вместе с товарищами учился сплавать по горным рекам, преодолевая пороги и стремнины. Умение плавать пришло само,

как способ выживания. А куда деваться, если тебя бросают в реку, течение несет вперед, а выплыть можно только с помощью собственных рук и ног? Так и научился. А заодно научился верить в себя и испытывать чувство удовлетворения от преодоления собственных страхов и слабостей.

Настоящим чудом стали две недели, проведенные на море. Их учили мореплаванию, учили править рулем, ловить парусом ветер, грести на веслах. И всякий раз, когда лодка, подрагивая на ходу, подпрыгивая на волнах, поскрипывая снастями, летела по морю в сторону яркого, плавающего в синеве солнечного диска, Торбьёрн испытывал невыразимый восторг. Ему казалось, что он сам сливается в единое целое с лодкой и летит, летит в бескрайнее море, словно чайка, кружащая в вышине, рассекающая острыми крыльями упругий ветер.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.